

Емтыль Зарема Январбиевна

**АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКЕ КОНЦА XIX в. – НАЧАЛА 30-х гг. XX в.**

Специальность 07.00. 02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Майкоп

2010

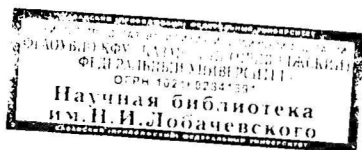
Диссертация выполнена на кафедре Отечественной истории
Адыгейского государственного университета

Научный консультант:

доктор исторических наук,
профессор
Шеуджен Эмилия Аюбовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор
Мининков Николай Александрович

доктор исторических наук,
профессор
Трехбратов Борис Алексеевич

доктор исторических наук,
профессор
Чирг Асхад Юсуфович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Защита состоится « 8 » апреля 2011 г. в 11⁰⁰ на заседании Диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам при Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская, 208. Конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского государственного университета.

Реферат разослан « 5 » марта 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000584069

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

В.Н. Мальцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой проблемы. Принципиально значимые изменения, происходящие в теоретико – методологических основаниях современного исторического знания, поиск новых способов изучения сложных социокультурных объектов, к которым относится интеллигенция, делает актуальным создание наряду со ставшими уже традиционными исследовательскими моделями изучения интеллигенции новых, позволяющих расширить границы научного поиска и обеспечивающих глубину научного познания.

Одним из перспективных направлений углубления отечественной историографии интеллигенции является раскрытие ее многообразия и сложного устройства. В этой связи изучение истории интеллигенции отдельных регионов и национальных групп приобретает особое научное значение. Исследование процесса формирования и деятельности адыгской интеллигенции в особой исторической ситуации, связанной с резкими изменениями среды функционирования, позволяет выявить типологию явления, задающую в историческом познании параметры специальной модели развития интеллигенции, свойственной численно незначительным этносам, существующим в рамках полиэтнических, поликонфессиональных государственных образований.

Диссертационная работа представляет первое системное исследование адыгской интеллигенции, предполагающее ее рассмотрение не только как некой целостной качественной определенности со своими элементами и способами функционирования, но и во взаимодействии с политическими, социально-экономическими, культурными процессами в стране и регионе. Такой подход к изучению проблемы способен отразить сложность интеллигенции как явления общественной жизни, выступающего одновременно в роли объекта и субъекта социальной реальности, и тем самым расширить научное видение проблемы, осуществить комплексную реконструкцию сложной истории адыгской интеллигенции.

Проведенное исследование имеет и историографическую значимость. Для современного этапа развития исторического знания характерен поворот в историографии, связанный с развитием интеллектуальной истории, что создает объективные условия для отхода от традиционных подходов к изучению интеллигенции и концентрации внимания не столько на истории развития интеллигенции, выявлении ее социального, профессионального состава, сколько на движении идей в среде интеллигенции, влияющих на интеллектуальное состояние общества.

Актуальность изучения истории адыгской интеллигенции, опыта ее общественной деятельности обуславливается и этнокультурной ситуацией на Северном Кавказе, характеризующейся обострением национального самосознания северокавказских народов, активным поиском ими форм национальной и культурной идентичности в условиях существования в рамках полиэтнического российского государства, что предъявляет новые требования к интеллигенции, далеко выходящие за ее профессиональные или культурно-образовательные функции. Перед интеллигенцией встает задача переоценки

ценностей, духовного синтеза, способствующего осознанию народом не только своего этнокультурного своеобразия, но и специфики национальных потребностей и интересов. Именно на национальную интеллигенцию ложится задача определения места и роли своего народа как в системе глобальной, так и общероссийской совокупности народов.

Разработка темы работы имеет практическое значение. В связи с происходящими на протяжении последних двух десятилетий процессами трансформации во всех сферах общественной жизни, обнаруживается стремление переосмыслить социальную роль и место интеллигенции в обществе, понять масштабы последствий, связанных со сведением функций интеллигенции к удовлетворению профессионально-кадровых и пропагандистских запросов власти.

Степень изученности проблемы. Учитывая значимость проблемы и специфику ее изучения, историографическому анализу посвящен специальный раздел работы. Во введении обозначаются лишь его основные результаты. В частности, отмечается, что отечественная историческая наука накопила значительный опыт изучения истории интеллигенции: процесса ее формирования, методов подготовки профессиональных кадров, социального и профессионального состава интеллигенции, ее участия в революционно-демократическом движении. Однако, исходя из развития теоретико-методологических оснований современного научного познания, этого явно недостаточно для воссоздания сложной, многогранной, временами противоречивой истории отечественной интеллигенции.

В работе подчеркивается, что история адыгской интеллигенции в хронологических рамках конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. не являлась предметом специального изучения. В то же время отдельные ее составляющие нашли отражение в работах по самому широкому кругу проблем истории и культуры адыгов, что привело к фрагментарности и отсутствию целостности сложившихся представлений. Современное состояние историографии адыгской интеллигенции, как и северокавказской в целом, обнаруживает настоятельную потребность в преодолении сложившегося положения, согласно которому национальная интеллигенция исследовалась, главным образом, как объект, а не субъект социального действия.

Объектом диссертационного исследования является история России конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. с ее сложными трансформационными процессами, кардинальным образом отразившимися на историческом развитии адыгов.

Предметом исследования является процесс формирования и деятельности адыгской интеллигенции в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в., характеризовавшейся трансформацией всей системы общественных связей, обусловленной интеграцией адыгов в состав Российской империи, а затем Советской России.

Географические границы исследования носят условный, этнически ориентированный характер. Учитывая изменение форм этнического сознания адыгов начиная со второй половины XIX в., усиление их территориальной и

административной обособленности, в данной работе исследуется интеллигенция, чья деятельность имела непосредственное отношение к общественной жизни адыгов Кубанской и Терской областей в дореволюционный период, Адыгейской, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей в постреволюционный. В ее число была включена как национальная интеллигенция, проживавшая на территории обозначенных административно-территориальных образований, так и за их пределами – в российских городах и эмиграции.

Хронологические рамки диссертационной работы обусловлены эволюционным характером предмета исследования. Конец XIX в. – начало 30-х гг. XX в., несмотря на всю сложность и противоречивость, представляет собой период формирования национальной интеллигенции. Его нижняя граница связана с постепенным выделением из среды адыгского общества новой социокультурной группы, по своим характеристикам соответствующей понятию «интеллигенция». В начале 30-х гг. XX в., обозначенных в качестве верхней хронологической границы исследования, завершается формирование интеллигенции как преемственной социокультурной группы. К этому времени «старая» интеллигенция «вытесняется» из всех сфер общественной жизни и складывается социальный, идейно-политический, духовный «облик» «новой» адыгской интеллигенции.

В работе подчеркивается, что характер проведенного исследования в некоторых случаях предполагал выход за обозначенные хронологические рамки с целью выявления истоков сложных социальных, политических и культурных процессов, определивших формирование и содержание общественной деятельности адыгской интеллигенции.

Целью работы является исследование процесса формирования и деятельности адыгской интеллигенции в исторической динамике конца XIX – начала 30-х гг. XX в.

Для реализации данной цели ставились следующие **задачи**:

- выработать теоретические подходы к разработке истории адыгской интеллигенции в общей концепции российской интеллигенции;
- проанализировать историографический уровень исследования проблемы с целью выявления степени ее разработанности и определения круга проблем, нуждающихся в дальнейшем изучении;
- провести источниковедческий анализ сформированного корпуса исторических и историографических источников, определив их информативность;
- исследовать процесс формирования адыгской интеллигенции в условиях трансформации системы общественных связей, связанной с интеграцией адыгов в состав Российской империи, а затем Советской России;
- проанализировать роль интеллигенции в развитии этнического сознания адыгов как «связующую» проблему;
- определить характер изменений социокультурного «облика» национальной интеллигенции, обусловленных установлением советской власти на Северном Кавказе.

– изучить направленность, содержание и формы общественно-политической деятельности интеллигенции;

– исследовать роль адыгской интеллигенции в культурно-образовательной сфере и определить ее влияние на изменение интеллектуальной среды;

– проанализировать творческое наследие интеллигенции с точки зрения вклада в постановку и разработку важных вопросов историко-культурного развития адыгского народа.

Источниковую базу исследования составили источники различной видовой принадлежности. Обширный фактический материал, позволяющий реконструировать процесс формирования и деятельности адыгской интеллигенции бы выявлен в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)¹, Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ)², Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)³, Государственном архиве Ростовской области⁴, Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК)⁵, Центре документации новейшей истории Краснодарского края⁶, Государственном учреждении «Национальный архив Республики Адыгея» (ГУНАРА)⁷, архиве Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ)⁸, Цен-

¹ Фонды: 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898–1991)); 62 (Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (1922–1934)); 65 (Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (1921–1924)); 76/Держинский Феликс Эдмундович (1877–1926)); 85 (Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937)).

² Фонды: а-296 Отдел по просвещению национальных меньшинств наркомата просвещения РСФСР, комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР (КОМНАЦ) наркомата просвещения РСФСР (1918–1934); р-1235 (ВЦИК), р-1318 (Наркомат по делам национальностей РСФСР, представительства Наркомата РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомате РСФСР), а-1565 (Главное управление профессионального образования (главпрофобр) наркомата просвещения РСФСР.1920–1930.)

³ Фонд. 7 (Северокавказский крайком ВКП(б)).

⁴ Фонд: р-1485 (Красной исполнительный комитет Юго-Востока России).

⁵ Фонды: 252 (Войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска (1870–1888), 260 (Управление начальника Черноморской береговой линии (1839–1865), 261 (Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии, Черноморского казачьего войска (1794–1864), 427 (Попечитель Кавказского учебного округа (1839–1917), 449 (Кубанское областное правление (1870–1917), 454 (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска (1860–1917), 460 (Кубанский областно-статистический комитет (1870–1916)), 470 (Директор народных училищ Кубанской области), 711 (Управление атамана Екатеринодарского отдела (1888–1917)), 742 (Управление атамана Майкопского отдела (1898–1915)), 774 (Канцелярия помощника Кубанской области по управлению горскими (1862–1870)), 799 (Документальные материалы, собранные профессором Ситиковым к работе: «История борьбы магометанства и христианства в XIX веке на свое влияние на Западном Кавказе»).

102 (Кубано-Черноморский областной отдел управления), р-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет), р-1542 (Кубанская Законодательная рада).

⁶ Фонды: 1 (Кубано-Черноморский обком РКП(б) (1920–1924 гг.))

⁷ Фонды: р-1 (Адыгейский (черкесский) исполком Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и горских депутатов), р-21 (Адыгейский областной отдел народного образования. Министерство народного образования РА), р-281 (Адыгейский областной отдел по изучению истории Октябрьской революции и Коммунистической партии) р-327 (Материалы второго Съезда трудящихся горцев. Выступления делегатов второго съезда трудящихся горцев), р-328 (Горская секция при областном отделе управления Кубано-Черноморского революционного комитета), р-466 (Исполком горского отдельного Совета рабочих и крестьянских депутатов), р-480 (Майкопский механико-строительный техникум), р-629 (Адыгейское педагогическое училище им. Андрухлева), р-1114 (Коллекция воспоминаний участников установления Советской власти, гражданской войны и социалистического строительства в Адыгее).

⁸ Фонды: 1 (Фольклорный), 2 (исторический).

тральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР)⁹, Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (ЦДНИ КБР)¹⁰, фондах Национального музея республики Адыгея¹¹. В данные архивные коллекции вошли документы, отличающиеся по видам, происхождению, уровню достоверности и информативности, что потребовало применение комплекса исследовательских методов.

Важная часть источников была извлечена из сборников документов. Особо следует отметить тематические сборники документов по истории культурного строительства¹², сыгравшие позитивную роль с точки зрения возможности извлечения информации из собраний материалов, уже находящихся в научном обороте.

Использованные в работе источники разделены на несколько групп. Наиболее важную из них представляют официальные документы высших и местных органов власти и должностных лиц¹³. К ним относятся декреты, постановления, обращения, распоряжения, циркуляры, которые служат важной документальной основой анализа процессов, связанных с формированием и деятельностью интеллигенции, позволяют определить роль российской и советской государственной политики. Отмечается, что особенно рельефно она прослеживается в официальных документах советского периода, так как политика в отношении интеллигенции являлась одним из важнейших направлений внутренней политики советской власти, а также составной частью куль-

⁹ Фонды: р-1 (Гражданский исполнительный комитет Нальчикского округа Терской области (1916-1918 гг.); р-2 (Исполнительный комитет Кабардино-Балкарского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); р-4 (Государственная комиссия Кабардино-Балкарской АССР); р-16 (Отдел народного образования исполнительного комитета Кабардино-Балкарской республики областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); И-16 (Управление нальчикского округа Терской области); р-70 (Баксанский исполнительный комитет окружных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); р-134 (Отдел труда исполнительного комитета Кабардино-Балкарского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); р-155 (Отдел юстиции Кабардино-Балкарского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); 151 (Кабардино-Балкарское областное статистическое бюро); 187 (Кабардино-Балкарский ордена «Знак почта» институт истории, филологии, экономики при Совмине Кабардино-Балкарской АССР); р-201 (Революционный комитет Нальчикского округа Терской области); р-264 (Нальчикский исполнительный комитет окружных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов); р-376 (Революционный комитет Кабардинской автономной области; р-197 «Правитель» Кабарды).

¹⁰ Фонды: 1 (Кабардино-Балкарский обком КПСС); 25 (Комиссия истории партии).

¹¹ Материалы дореволюционного периода; Материалы Советского периода.

¹² Культурное строительство в Адыгее (1922-1937 гг.): сборник документов и материалов. - Майкоп, 1958; Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.). Сборник документов и материалов. - Т.1. - Нальчик, 1980; Культурное строительство в РСФСР, 1917-1927. - Т.1. - Ч.1. Документы и материалы. 1917-1920. - М., 1983; Культурное строительство в РСФСР, 1917-1927. - Т.1. - Ч.2. Документы и материалы. 1920-1927. - М., 1984; Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (1917-1977). - Т.2. - Ч.1. Документы и материалы 1928-1941. - М., 1985; Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918-1941 гг.: Сборник документов и материалов. - Т.2. - Нальчик, 1985. Культурное строительство в СССР, 1917-1927. Документы и материалы. - М., 1989 и др.

¹³ Положение о кавказских воспитанниках в высших учебных заведениях Российской империи (ноябрь 1868 г.) // ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.808. Л.15; Совершенно доверительный Циркуляр Канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе от 18 октября 1913 г. // ЦДНИ КБР. Ф.25. Оп.1. Д.27. Л.67; Обращение СГК ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (20 ноября 1917 г.) // Лешин о Дюне и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1969. - С.93-95; Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учителям (15 ноября 1917 г.) // Культурное строительство в РСФСР 1917-1927. - Т.1. - Ч.1. Документы и материалы. 1917-1920. - С.73-76 и др.

турной революции, естественным образом широко охватившейся в официальных документах органов власти различных уровней.

Большое значение для разработки темы исследования имел анализ материалов партийных съездов и конференций большевиков¹⁴. Они позволили осмыслить не только сущность и динамику развития политики советской власти в отношении интеллигенции в рассматриваемый исторический период, но и выявить четко обозначившийся национальный аспект.

В отдельную группу источников в работе выделены документы политических организаций и партий, в создании и деятельности которых активное участие принимали представители адыгской интеллигенции. Они позволили проанализировать содержание и направление развития общественно-политических взглядов национальной интеллигенции во всем их многообразии¹⁵.

Значительным числом представлена делопроизводственная документация¹⁶. Она составляет обширную базу для исследования политики властей по формированию среди горцев Северного Кавказа слоя образованных людей, ее практических результатов, реакции горцев на эту политику, социальной основы формировавшейся интеллигенции, ее общественных устремлений и умонастроения.

Важную группу источников составили материалы периодики¹⁷. Их изучение позволило в хронологической последовательности восстановить ход событий, «почувствовать дыхание времени». Следует отметить, что использованные публикации различаются как по своей информативной отдаче, так и по характеру содержащейся информации. Так, группа информативных материалов позволила установить отдельные факты, проясняющие данные о

¹⁴ Восьмой съезд РКП (б). Программа партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1983. Т.2. 1917-1922. С.86. Десятый съезд РКП(б) // Там же: Двенадцатый съезд РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1984. Т.3. 1922-1925. С.84; Шестнадцатая конференция ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). - М., 1984. - Т.4. 1926-1929. - С.

¹⁵ Обращение Особого Комитета Горцев Северного Кавказа, созданного из представителей горской северокавказской интеллигенции г. Петрограда (1917 г.) // ЦДНИ КБР. Ф.25. Оп.1. Д.36. Л.143; Программа Кабардинской революционной партии «Свободная Кабарда» // ЦГА КБР. Ф.р.-197. Оп.1. Д.38. Л.31-32; Обращение Кубанского областного Горского Комитета к горцам Кубанской Области // ГАКК. Ф.799. Оп.1. Д.11. Л.239. и др.

¹⁶ Об открытии школ среди горского населения // ГАКК. Ф.454. Оп.4. Д.149. Л.2-15; Об открытии аулах Кубанской области школ «Медресе» // ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.5718. Л.2-25; Протокол Первого свободного общегорского съезда представителей, аулов Кубанской области и Черноморской губернии, состоявшегося в ауле Хакуринноабльском Майкопского отдела, Кубанской области, 10-17 августа 1917 года // ГАКК. Ф.788. Оп.1. Д.11. Л.240-241; Протокол №1 заседания Областного съезда эфендиев, учителей и представителей обществ населенных пунктов и горских аулов черкесской (Адыгейской) Алябласти, состоявшегося в ауле Хатукай // РГАСНИ. Ф.17. Оп.84. Д.537. Л.3,4; Перспективный план Адыгейского областного отдела народного образования, относительно нужд контингента приема в ВУЗы, рабфаки и техникумы на пятилетие (1927-1931 гг.) // ГИНАРА. Ф.р. 21. Оп.1. Д.60. Л.27-28.)

¹⁷ Ставропольские губернские ведомости. - Ставрополь-Кавказский, 1850-1916; Вестник Европы. - СПб., 1891-1916; Вокруг света. - М., 1895-1916; Кубанские областные ведомости. - Екатеринодар, 1871-1914; Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1883-1916; Кубань. - Екатеринодар, 1883-1906; Русский вестник. М., 1901-1906; Новая зоря. - Екатеринодар, 1906-1911; Кубанский край. - Екатеринодар, 1906-1916; Мусульманши. - Париж, 1908-1912; Кубанский казачий листок. - Екатеринодар, 1911-1913; Майкопское око. - Майкоп, 1911-1916; Мусульманская газета. - СПб., 1912-1914; Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). - Ростов н/Д, 1920-1922; Революция и горцы. - Ростов н/Д, 1928-1933 и др.

формах участия интеллигенции в общественной жизни, восполнить пробелы в персоналиях, уточнить отношение к проблемам социально-политического, культурного характера. В работе подчеркивается, что не менее значима роль периодики в исследовании условий формирования и политики официальных властей в отношении просвещения адыгов, вовлечения их в российское культурное пространство, формирования национальных кадров специалистов по различным отраслям народного хозяйства. Особенно большая информативная отдача по последней группе вопросов содержится в публикациях 20-х – начала 30-х гг. XX в., отражавших проблемы культурно-просветительской работы, подготовки новых кадров специалистов, как в Северокавказском крае, так и в его национальных автономиях.

Большое значение для разработки темы диссертационного исследования имела центральная и региональная отраслевая периодика по вопросам просвещения и культуры¹⁸. Статьи и обзоры, помещенные на страницах этих изданий, дали возможность проследить изменения в целях и направленности политики советской власти в отношении отдельных категорий интеллигенции: «старой» и «новой» советской.

Особенно богатый материал по данным вопросам содержится в публикациях конца 20-х гг. К этому времени относится рост внимания специально ориентированных изданий к проблеме интеллигенции, к методам ее использования в советском государстве, выработке «правильного» отношения к интеллигенции на местах. Разноплановые материалы позволили проследить политику вытеснения «старой» интеллигенции и «репрессивной» замены этого кадра советским молодежником, борьбы с мусульманской интеллигенцией, включая ее прогрессивную часть, и окончательного «избавления от существующих легально и нелегально религиозных школ»¹⁹.

В диссертации отмечено, что в последние годы исследователи стали активно обращаться к материалам отраслевой периодики. Однако содержащийся в ней обширный материал, отражающий политику советской власти в отношении интеллигенции вообще и северокавказской в частности, не подвергался историографической и источниковедческой обработке.

Совокупность перечисленных документов различается по своей информативной отдаче. В ходе исследования предпринимались попытки ее повышения. В результате путем установления «диалоговых» отношений и усиления логических связей удалось выявить взаимосвязь и взаимодействие отдельных «составляющих» политики царского правительства и советской вла-

¹⁸ Журнал министерства Народного просвещения. – СПб., 1834–1913; Живописное обозрение. – СПб., 1882–1902; Известия Общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1899–1926; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1881–1929; Бюллетень Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. – Ростов н/Д., 1926–1927; Вопросы просвещения на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1926–1930; Революция и культура. – М., 1928–1933; Просвещение национальностей. – М., 1929–1935; Бюллетень Северо-Кавказского краевого отдела народного образования. – Ростов н/Д., 1930–1932.

¹⁹ Диманштейн С. Антирелигиозная работа на Востоке // Революция и культура. – 1929. №9–10. С. 65–69; Мецкерик В. Проблема сельской интеллигенции // Там же. – 1928. №23–24. – С. 35–41; Сегаль А. Интеллигенция в реконструктивный период // Там же. – 1929. №22. – С. 41–44.

сти в сфере просвещения горцев Северного Кавказа, восполнить сведения биографического и событийного характера.

Учитывая тот факт, что часть вопросов в главах диссертационного исследования рассматривается в историографическом плане, в отдельную группу историографических источников выделены многочисленные публикации, авторами которых были представители адыгской интеллигенции. Данная группа источников объемна и разнохарактерна и позволяет проанализировать взгляды и позиции интеллигенции, содержание ее творческой и общественно-политической деятельности.

Исходя из тематической и жанровой направленности публикаций, в работе они разделены на несколько типов. Наибольшим числом представлены публицистические статьи. Среди них четко выделяются два тематических направления: статьи по вопросам социально-политического развития адыгов, в которых нашли отражение проблемы гражданского, социально-экономического, правового положения адыгов, как проживавших на Северном Кавказе, так и оказавшихся за пределами исторической родины,²⁰ и статьи, направленные на освещение и решение основных просветительских задач²¹. Данный тип публикаций позволил проанализировать систему взглядов интеллигенции, многообразие ее общественных позиций, а также процессы, происходившие внутри данного социокультурного слоя.

²⁰ Шарданов Б. Забытый народ // Кубань. – Екатеринбург, 1906. – №76; Его же. Черкесы. (Забыаемый народ) // Кубань. – 1906. – №117; Хатаковор Д.-Г. Положение черкесов в Турции // Мусульманин. – 1908. – С.3. Его же. Турция для гурок // Там же. – 1908. – №2. – С.31–32; Ечерух М. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции // Там же. – 1910. – №6. – С.113–117; Ахметуко Ю. О национальном чувстве // Там же. – 1910. – №13. – С.286–288; Его же. Шарият и прогресс // Там же. – 1910. – №22. – С.326; П. Кабардей. Духовно-религиозные нужды мусульман Терской и Кубанской областей // Новая Русь. – С.116. – 1910. – №109; Ахметуко Ю.К. О привлечении черкесов к воинской повинности // Там же. – 1911. – №4. – С.1–3; Хатаковор Д.-Г. Мухаджирский вопрос // Там же. – 1911. – №2. – С.64–66; Сихов С. Большой юбилей и черкесы // Кубанский казачий листок. – Екатеринбург, 1912. – 25 июля. – №198; Его же. Что даст горцам каша // Кубанский казачий листок. – Екатеринбург, 1913. – 9 ноября. – №559; Цей И. Что нужно // Архив АРНИИ. Ф.1. П.122. Д.39; Его же. В сумерках // Архив АРНИИ. Ф.1. П.124. Д.42; Сихов С. Воскресение из мертвых // Сефербий Сихов – адыгский просветитель. – Майкоп, 1991. – С.120–124; Цей И. Пятидесятилетняя административная оценка (с Кубани) // Цей И.С. Избранные произведения. – Майкоп, 2000. – С.631–633 и др.

²¹ Ахметуко Ю.К. К нашим единоверцам и землякам // Мусульманин. – Париж, 1910. – №4. – С.88–100; Его же. О боге, о вере, о религии // Мусульманин. – 1910. – №7; Его же. О нашем духовенстве // Там же. – 1910. – №17–18. – С.222–223; Цей И. Обедоление // Цей И.С. Избранные произведения. – С.638–640; Его же. В сумерках // Там же. – С.640–641; Его же. Что нужно? // Там же. – С.641–643; Его же. О наших муллах // Там же. – С.643–646; Кабардей (Конец П.) Народное образование в Кабарде // Кенел М.А. Люди события факты истории народов Северного Кавказа. – Майкоп, 1999. – С.137–138; Сихов С. О назревшем вопросе // Кубанские областные ведомости. – Екатеринбург, 1911. – №177; Его же. Всесоюзное образование и черкесы // Кубанский казачий листок. – Екатеринбург, 1912. – №193; Его же. Народ без языка // Там же. – 1912. – №199; Его же. Причины неуспеха русской школы среди кубанских горцев // Майкопское эхо. – 1915. – №№282, 283, 284; Его же. Русские мусульмане и начальное образование // Майкопское эхо. – 1915. – №№292, 293, 294, 295; Дымов А.Г. Воспитание характера (Шригъасъ). – Вып.1,2. – Баксан, 1918; Сихов С. Просвещение Адыгейской области // Черкесская правда. – Майкоп, 1922. – 18 октября. – №2; Его же. Русский язык в русской школе / С Сихов, З. Трошкая, Е. Уралаева. – Ростов н/Д, 1927 и др.

Другой тип публикаций представлен историко-этнографическими очерками²² и фольклорными материалами²³. Эти публикации позволили выявить роль интеллигенции в постановке и разработке важных вопросов истории и культуры адыгов, определить научное и общественное значение ее творчества.

Сформированный корпус источников представляется адекватным исследуемой теме. Их объем и содержание позволили рассмотреть основные блоки проблем: условия, способствовавшие появлению в общественной жизни адыгов нового социокультурного слоя; основные направления общественной деятельности интеллигенции; взгляды интеллигенции на историко-культурные процессы, происходившие в адыгском обществе; реакция интеллигенции на революционные преобразования и процесс трансформации национальной интеллигенции в постреволюционных условиях.

Методологическую основу диссертационной работы составили современные представления о гносеологических возможностях применения принципов и методов при проведении исторического исследования²⁴.

Основополагающее значение в проведении исследования имело следование принципу *научности*. Его соблюдение потребовало формирование адекватного корпуса источников по истории адыгской интеллигенции, являвшегося достаточным основанием для осуществления выводов и обобщений, которые позволили выйти на концептуальный уровень осмысления темы исследования.

Так как целью всякого научного исследования является получение истинных, объективных знаний диссертационная работа основывалась на стремлении реализовать принцип *объективности*. Осознавая тот факт, что процесс научного познания является субъективным, осуществляемым по-

²² Шенюхов А. Очерк быта темрюговцев // СМОМПК. - Тифлис, 1901. - Вып. XXIX; Довлест-Гирей С. Бжедугские памятники в местечке Горячий Ключ Кубанской области // Известия ОЛИКО. - Екатеринод., 1904. - Вып. 4; Хаджимукот Т. Народы Западного Кавказа // Кавказский сборник. - Тифлис, 1910. - Т. XXX. - С. 1-50; Довлест-Гирей С. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Известия ОЛИКО. - Екатеринод., 1912. - Вып. 5; Снохов С. Этнографические наброски // Кубанский казачий листок. - 1913. - № 454; Кудинев Н. Исторические сведения о кабардинском народе. - Киев, 1913; Цагов Н. Мусульманская история. Баксан, 1336 (1918) (на каб. языке). Снохов С. Черкесы-Адыге // Известия ОЛИКО. - Краснодар, 1922. - Вып. VII; Его же. Адыгея (Адыгейская автономная область): Историко-этнографический и культурно-экономический очерк / С. Снохов, У. Алиев, Б. Городецкий. - Ростов н/Д, 1927; Хаужев М., Цей Д. Мос и Гопсвний Повееновы. Материалы к биографии. - Краснодар, 1927; Анхамаф Д. Из истории черкесских аидафитов // Революция и торец. - 1929. - № 11-12. - С. 47-49; Снохов С. Коранованные налчи. К 50-летию покорения Западного Кавказа // Сфербий Снохов-адыгский просветитель. - С. 93-95 и др.

²³ Тамбиев П. О парте Айдемиркане // СМОМПК. - Тифлис, 1886. - Вып. 5. - С. 113-118; Кашежев Т. Переселение Кабарды Тамбиева // Там же. - 1891. - Вып. 12, Его же. Крымцы в Кабарде // Там же: Сказание о братьях Ешлюковых // Там же; Ахметуко Ю. К. Черкесские рассказы. - М., 1896. - Т. 1; Тамбиев П. Еиов Батыныко // СМОМПК. - 1896. - Вып. 21; Кашежев Т. Свадебные обряды кабардинцев // Этнографическое обозрение. - М., 1892. - Кн. 15; Ечерух И. За правдою // Мусульманин. - 1910. - № 3. - С. 76-80; Тамбиев П. Поиски жени // СМОМПК. - 1915. - Вып. 44. - Отд. 4; Его же. Адыгские тексты // Там же. - 1915. - Вып. 44. - С. 1-14 и др.

²⁴ Коваленченко И. Д. Методы исторического исследования. - М., 1987; Мининков Н. А. Методология истории. - Ростов н/Д, 2004; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. - М., 2005; Сидорова В. Н. Методологические проблемы истории. - Минск, 2006; Шеуджен Э. А. Научная деятельность: организация и методология исследования. - Майкоп, 2006; Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. - М., 2008 и др.

средством «упорядочения» и систематизации действительности на основе субъективных по своей природе категорий, диссертант стремился реализовать принцип объективности за счет привлечения обширной многоплановой источниковой базы и специально организованного исследовательского процесса, предполагающего всесторонний охват исторических фактов, событий и процессов, связанных с формированием и деятельностью адыгской интеллигенции, а также за счет опоры на достигнутый уровень научных знаний в разработке проблем подобного порядка.

Важную роль в исследовании, организующую всю структуру работы, выступил принцип *историзма*, который позволил объединить все уровни исторического исследования от эмпирических фактов до теоретических конструкций и рассмотреть историю адыгской интеллигенции в генезисе и развитии. Он дал возможность исследовать не только условия становления адыгской интеллигенции, но и динамику ее деятельности и изменений в их связи с конкретными историческими условиями.

Большое значение при исследовании таких сложных и многогранных явлений, которым является интеллигенция, приобретает применение *системного подхода*. Несмотря на то, что адыгская интеллигенция была дифференцирована идейно-политически, социально и культурно диссертант исходил из понимания необходимости рассмотрения адыгской интеллигенции как некой целостной качественной определенности, выявления и раскрытия ее элементов, многообразных «механизмов» формирования и функционирования, сведения их в «единую картину». Системный подход создал возможность не только осуществления комплексного исследования адыгской интеллигенции как некой самодостаточной целостности, но и во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими, культурными процессами в регионе и стране.

Для реализации обозначенных диссертантом исследовательских целей и задач большое значение имело применение *ценностного подхода*. Он позволил не только выработать определенное отношение, дать оценку исследуемому явлению и связанным с ним процессам, задать «точку зрения», позволяющую определенным ценностным образом «маркировать» историческое событие, используя такие научные категории, как «значение», «роль», «положительный эффект», «негативное значение» и т.д.,²⁵ но и, что представляется не менее важным, выделить его индивидуальные особенности, что, безусловно, связано с разделяемой исследователем системой ценностей.

Исследование многогранной, порой противоречивой истории адыгской интеллигенции, необходимость придания логической и структурной целостности диссертационной работе обусловило широкое применения *проблемно-хронологического* метода. С его помощью был изучен исходный уровень разработки темы работы, выявлены ее составляющие и определены направления разработки и структура диссертации.

Изучение истории формирования и деятельности адыгской интеллигенции не представлялось возможным без использования *историко-*

²⁵ Шенджен Э.А. Исторнография. Вопросы теории и методологии. Курс лекций. - Майкоп, 2005. - С.150.

генетического метода. Он позволил установить «генетические связи», обусловленность формирования адыгской интеллигенции, ее качественных и количественных характеристик, содержательного аспекта деятельности на каждом из рассматриваемых этапов существования.

Необходимость последовательного проникновения в историческое прошлое, реконструкции различных этапов в развитии адыгской интеллигенции с целью более глубокого познания сущности исследуемых процессов, раскрытия их причин и содержания определила широкое применение *ретроспективного метода*. Он дал возможность глубже вникнуть в исследуемые процессы, установить причинно-следственные связи.

Осознание того факта, что интеллигенция представляет собой универсальное явление социокультурной жизни различных народов и государств на определенных стадиях их исторического развития, создало большие возможности для применения *историко-сравнительного метода*. Учитывая, что интеллигенция у различных народов возникает и функционирует не в статичной, раз и навсегда заданной форме, а вполне определенном, конкретном проявлении, сочетающем в себе многообразие общего и единичного историко-сравнительный метод дал возможность установить специфику формирования и деятельности адыгской интеллигенции в исторических условиях существования общества в конкретном времени.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что она представляет собой первое системное исследование адыгской интеллигенции в хронологических рамках конца XIX – начала 30-х гг. XX вв., предполагающее ее рассмотрение не только как некой целостной качественной определенности со своими «элементами» и способами функционирования, но и во взаимодействии с политическими, социально-экономическими, культурными процессами в стране и регионе.

История адыгской интеллигенции в диссертации рассмотрена как «связующая» проблем политического, культурного, ментального уровня, что отличает данную работу не только от адыгской, но и северокавказской историографии интеллигенции в целом. Исследование углубляет новыми характеристиками традиционное для отечественной историографии представление о месте и роли интеллигенции в обществе, способствует выявлению нетрадиционных путей и способов ее формирования.

Диссертация является первым обобщающим исследованием по истории адыгской интеллигенции, направленным на преодоление фрагментарности существующих научных представлений. Работа носит комплексный характер, предполагающий анализ широкого круга вопросов: от выяснения природы происхождения адыгской интеллигенции, ее мировоззрения до общественной деятельности. Более того, в ее рамках на основе широкой источниковой базы впервые осуществлено изучение процессов формирования и деятельности интеллигенции на материалах адыгских народов, в силу исторических обстоятельств административно и территориально разъединенных.

Концептуальная новизна исследования заключается в преодолении утвердившейся в отечественной историографии интеллигенции традиции, в соответствии с которой история интеллигенции дореволюционного и советско-

го периодов являлись предметами самостоятельного изучения. Диссертант руководствовался пониманием того, что, несмотря на серьезную трансформацию интеллигенции под влиянием общественно-политических обстоятельств, изменение групповых черт, она продолжала свое существование и развитие. Интеллигенция по-прежнему несла народу просвещение, общественные идеалы. Более того, в условиях неразвитости системы профессионального образования, в особенности в национальных регионах, широко привлекавшаяся к работе «старая» интеллигенция имела определенное влияние на формировавшуюся интеллигенцию советского общества.

При разработке темы исследования ключевое значение имело понимание того, что интеллигенция как социокультурная группа является одновременно объектом и субъектом социальной реальности. В результате в поле исследовательского внимания оказались не только факторы, обусловившие формирование адыгской интеллигенции, ее социальный и профессиональный состав, но и непосредственно деятельность самой интеллигенции в наиболее значимых сферах общественной жизни. Это выводит представленное исследование на качественно новый уровень осмысления проблем.

Диссертант стремился отойти от сложившейся традиции изучения интеллигенции, сконцентрировав исследовательское внимание на движении идей в среде национальной интеллигенции во взаимодействии не с абстрактным историческим окружением, а с теми политическими, культурными, религиозными и социальными контекстами, в которых эти идеи рождались, распространялись, модифицировались и трансформировались.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее материалы могут быть использованы при написании обобщающих исследований по истории интеллигенции, включены в монографии по истории и культуре адыгов. Не исключается возможность использования данных диссертации в лекционном курсе по истории России, в разработке специальных курсов и семинаров.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре Отечественной истории Адыгейского государственного университета, а также опубликованы в двух монографиях, научных статьях и докладах на разного рода научных конференциях. По теме диссертации автором опубликовано 18 работ, общим объемом 41 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. В основу организации работы положен проблемно-хронологический принцип изложения материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность избранной для исследования проблемы, дана общая характеристика историографии, определены цели и задачи, объект и предмет, хронологические и географические границы исследования, дается характеристика источников, излагаются методологические основы исследования, его научная новизна, практическая значимость, а

также формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов диссертационной работы.

В первой главе «Теоретические основы исследования истории адыгской интеллигенции» формулируются и разрешаются теоретические подходы к изучению истории адыгской интеллигенции, анализируется состояние научной разработки проблемы.

Первый раздел данной главы «Формирование исследовательских подходов» посвящен осмыслению теоретических основ исследования и понятийных дефиниций. Учитывая острые дискуссии, которые более века ведутся вокруг понятия «интеллигенция» и исключительную многогранность самого феномена интеллигенции, обращение к истории адыгской интеллигенции привело диссертанта к необходимости выработки базовых подходов к понятию «национальная интеллигенция». В целом интеллигенция рассматривается как социокультурная общественная группа взаимодействующих людей, занятых в сфере интеллектуального труда, выполняющих функцию аккумулятора, хранителя, создателя духовной культуры народа и решающих задачу формирования ценностно-ориентированной основы общественной деятельности. Объем данного определения позволяет сфокусировать исследовательское внимание на деятельностной стороне истории интеллигенции.

Исходя из понимания того, что интеллигенция является носителем национальной традиции народов в конкретных политических, социальных, культурных условиях, важно выделить определенные национальные типы интеллигенции, являющиеся носителями ментальности и культуры своего народа. Обладая характеристиками, присущими интеллигенции как социокультурной группе, «национальная интеллигенция» является носителем и выразителем ценностей и идей, основанных на историко-культурном опыте своего народа, ориентированных на преобразование его общественной и культурной жизни.

Наряду с этнической составляющей понятия «национальная интеллигенция», в уточнении нуждается ее структура. Исследуя историю адыгской интеллигенции, автор работы посчитал целесообразным разделить ее на две основные группы – светскую и духовную. Правомочность включения духовенства в состав интеллигенции до сих пор не получила однозначного ответа. Думается, что характер и социальное значение общественной деятельности представителей адыгского духовенства дает основание определить его как «духовную интеллигенцию». В силу своего особого положения и функциональных задач в обществе духовенство являлось той благоприятной социокультурной основой, которая из своей среды выделяла значительное число представителей интеллигенции.

В диссертации отмечается, что важное теоретическое значение для исследования истории адыгской интеллигенции в хронологических рамках конца XIX в. – начала 30-х гг. XX вв. имеет понимание переломности данного периода. Рубежным событием в истории российской интеллигенции вообще и адыгской в частности стали революционные преобразования в России, которые привели к ломке всей системы общественных и социальных связей,

предопределили существенные качественные и количественные изменения интеллигенции. Именно под влиянием изменившихся общественно-политических обстоятельств происходила ее серьезная трансформация.

Исследование истории адыгской интеллигенции сделало необходимым уточнение содержания таких понятий, как «старая» и «новая» интеллигенция. В работе отмечается, что данные понятия соответствуют языку исследуемой исторической эпохи и несут в себе вполне конкретное содержание, отражая изменившиеся социально-политические реалии жизни российского общества, роль интеллигенции в культурно-историческом пространстве. Понятием «старая интеллигенция» в отечественной историографии обозначались профессиональные кадры специалистов умственного труда, доставшиеся советской власти в «наследство» от прежнего строя. В свою очередь под «новой интеллигенцией» понимались профессиональные кадры, сформированные усилиями советской власти из трудовых слоев населения в 20-е – 30-е гг.

Исходя из того, что адыги на протяжении столетий находились в зоне активного политического, межкультурного взаимодействия с Османской и Российской империями, а со второй половины XIX в. были включены в состав России, особое теоретическое значение приобрело выявление роли факторов внешнего воздействия как на процесс формирования, так и на содержание деятельности адыгской интеллигенции. В то же время в диссертации отмечается недопустимость смещения исследовательского акцента в сторону рассмотрения интеллигенции исключительно как управляемого объекта, как это было в советской и отчасти в постсоветской историографии. Необходимо понимание того, что интеллигенция является сложным явлением общественной жизни, выступающим одновременно в роли объекта и субъекта социальной реальности. ее продукта и создателя.

Учитывая региональный аспект исследуемой проблемы, большое теоретическое значение для ее разработки имело осознание того, что изучение истории интеллигенции национальных регионов должно осуществляться с новых исследовательских позиций и быть ориентировано на то, чтобы выявить специфические черты национальной интеллигенции как проявления культуры локального мира. Необходимо исходить из того, что интеллигенции как социокультурному явлению свойственно многообразие форм, обусловленных, в том числе, ее этническим происхождением, которые не должны быть стандартизированы.

Такой подход к исследованию истории адыгской интеллигенции способен, по мнению автора диссертации, не только обогатить новыми фактами эмпирическое пространство общероссийской истории, но и создать возможности для расширения тематики исторических исследований по проблеме интеллигенции в целом, помочь приблизиться к осмыслению всей сложности и многообразия проявлений интеллигенции как универсального явления в жизни различных народов.

Важное теоретическое значение имеет понимание того, что интеллигенция как социокультурная группа представляет явление многообразное, дифференцированное политически, идеологически, социально, профессионально. Данные черты интеллигенции в полной мере проявили себя в период

революционных преобразований в России. При этом политическая позиция адыгской интеллигенции определялась совокупностью мотивов, далеко выходящих за рамки социального происхождения, материального положения, профессиональной принадлежности.

Выработка теоретических подходов к разработке проблемы позволила сфокусировать исследовательское внимание на деятельности стороны истории адыгской интеллигенции. При этом принципиально важно было учесть влияние как объективных, так и субъективных факторов, определявших характер, содержание и направление развития общественной деятельности интеллигенции и ее воздействия на жизнь общества. Такой подход привел к расширению исследовательского видения, создав условия для комплексной реконструкции сложной истории адыгской интеллигенции.

В работе подчеркивается, что важным аспектом в изучении деятельности стороны истории адыгской интеллигенции является исследование истории идей, получивших распространение в среде интеллигенции. Диссертант исходил из понимания того, что объектом исторического исследования выступает не только событийная сторона истории, безусловно, отражающая содержание деятельности национальной интеллигенции, но и интеллектуальная жизнь, движение идей в среде национальной интеллигенции. Речь идет не только о «великих идеях», но и о тех, которые разделялись большими группами людей и имели распространение в рассматриваемый исторический период. Это позволило наиболее полно отразить субъектность интеллигенции, осознать ее влияние на интеллектуальное состояние адыгского общества.

Научная разработка истории адыгской интеллигенции с учетом обозначенных теоретических установок, по мнению диссертанта, позволяет расширить исследовательское пространство, создавая условия для комплексной реконструкции сложной истории интеллигенции вообще и адыгской в частности.

Во втором разделе «Историография проблемы» отмечается, что в российской историографии накоплен значительный опыт изучения интеллигенции, позволяющий определить общие теоретические и исследовательские подходы к разработке темы диссертационного исследования. Историческое осознание особенностей интеллигенции как социокультурной группы, ее места в общественной жизни началось в России в последней трети XIX в., а в начале XX в. приобрело особое значение в связи с ее ролью в общественном движении. К началу XX в. относятся и первые попытки передовых представителей адыгской интеллигенции осмыслить роль и место национальной интеллигенции в просвещении и общественной жизни своего народа²⁶. Статьи по данным проблемам, наполненные острым публицистическим началом, являются свидетельством саморефлексии национальной интеллигенции.

²⁶ Хаджетлане М.-Б. От редактора // Мусульманин. – Париж, 1908. №1. С.2; Цей И. Горь-интеллигент // Мусульманская газета. – СПб., 1913. – №18. – 25 мая; Ситохов С. Преступное равнодушие // Мусульманская газета. – СПб., 1914. 7 февраля. – №5; Его же. Забытый долг // Кубанская школа. – Екаторинодар, 1915. – №9; Его же. Время не ждет // Майкопское эхо. – Майкоп, 1915. – №257; Его же. Культ «желудка» // Там же. – №265 и др.

Несмотря на широкий общественный интерес, проявленный к проблеме интеллигенции в начале XX в., научная разработка истории интеллигенции связана с советской историографией: 20–50-е гг. можно обозначить как период ее зарождения. Именно в эти годы начинает оформляться «официальная концепция интеллигенции», которая с небольшими изменениями просуществовала на всем протяжении советского этапа отечественной истории. В науке утверждается социологический подход к пониманию сущности интеллигенции. Характерной чертой исследований было стремление детерминировать внутренний духовный облик интеллигенции, содержание и направленность ее деятельности через факторы социального происхождения и материального положения в социальной структуре общества. Идеологизированная общественно-политическая обстановка в государстве, своеобразие восприятия интеллигенции как явления социальной жизни, сформировавшееся у представителей высшей партийной номенклатуры, не могли не отразиться на характере исследования истории интеллигенции и формировании ее научной проблематики.

Качественно новый этап в развитии историографии интеллигенции начался в 60–80-х гг. Он знаменовался резким возрастанием научного интереса к истории интеллигенции. Достижением отечественной историографии интеллигенции в этот период являлся не только количественный рост исследований, но и их глубины, методологического уровня. Важное значение имело осознание необходимости преодоления догматизма в понимании сложных процессов, связанных с историей интеллигенции. Именно в эти годы произошло формирование основного круга исследовательских проблем, сохранивших свою актуальность на современном этапе развития научного знания²⁷.

В работе отмечается, что в отечественной историографии сложился достаточно широкий круг исследований по истории²⁸, теории и историогра-

²⁷Зак Л. М. Великий Октябрь и интеллигенция (некоторые аспекты историографии проблемы) // Интеллигенция и революция: сб. статей. – М., 1985. – С. 124, 132.

²⁸Федюкин С. А. Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству. – М., 1960; Ерман Л. К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // История СССР. – 1963. – №1. – С. 161–173; Лейкина-Свиридая В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. – М., 1972; Соскин В. Л. В. И. Ленин, революция, интеллигенция. – Новосибирск, 1973; Кривизинков С. А., Соскин В. Л. Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции (к историографии проблемы) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). – Новосибирск, 1978; Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. – М., 1985 и др.

фии отечественной интеллигенции²⁹, позволивших осмыслить динамику развития исторической мысли и основные направления его разработки темы³⁰.

Наряду с разработкой истории отечественной интеллигенции обозначился интерес и к проблеме формирования интеллигенции у народов Северного Кавказа. В работах А.-К. Эфендиева, М.М. Бекижева, Г.Ш. Каймаразова нашли отражение различные аспекты формирования национальных кадров социалистической интеллигенции на фоне общественно-политических и социокультурных преобразований в СССР³¹.

История адыгской интеллигенции нашла фрагментарное освещение в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа, Кубани, Адыгеи и Кабарды³², специальных работах по культуре адыгских народов и народов Северного Кавказа³³, по развитию общественно-политической мысли адыгов³⁴,

²⁹Зак Л.М. Проблема формирования советской интеллигенции в современной исторической литературе // История СССР. - 1968. - №2. - С.148-156; Федюкин С.А. Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция: сб. статей. - М., 1985. - С.20-33; Ермаков В.Г. Интеллигенция России в XX столетии (к постановке проблемы «Интеллигенция как феномен исторического изучения») // Интеллигенция России: уроки истории и современность: Межвуз. сб. науч. трудов. - Иваново, 1996. - С.16-24; Меметов В.С. Интеллигенция России: уроки истории и современность (Попытка историографического анализа проблемы) / В.С. Меметов, А.А. Данилов // Там же. - С.3-15; Глазковский М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема: Историкографические этюды. - Екатеринбург, 2003 и др.

³⁰В работе отмечается, что в отечественной историографии сложился достаточно широкий круг исследовательских проблем: способы и каналы формирования интеллигенции, ее мировоззренческие принципы и идейные предпочтения, структура интеллигенции, участие интеллигенции в революционно-демократическом движении во второй половине XIX - начале XX вв.; интеллигенция и революция, интеллигенция и власть, политика советской власти в отношении буржуазной интеллигенции, формирование социалистической интеллигенции и ее отдельных профессиональных групп, историография истории интеллигенции.

³¹Эфендиев А.-К. И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). - Махачкала, 1962. Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941 гг.). - Черкесск, 1978; Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. - М., 1988 и др.

³²Рябенко-Туранский Я.И. Адыгее до и после Октября. - Ростов н/Д, 1927. Очерки истории Адыгеи. - Т.1. - Майкоп, 1957; История Кабардино-Балкарской АССР. - Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - М., 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. - Т.2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. - М., 1967; Очерки истории Адыгеи. - Т.2. Советский период. - Майкоп, 1981; История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 гг.) - М., 1988, Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. - Краснодар, 1996, История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. - Т.1. - Майкоп, 2009, и др.

³³Алиев У. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе // Революция и горцы. - 1927. - №10-11. С.18-21; Гугов Р.Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926-1929) // Ученые записки КБНИИ. - 1959. - Т.ХV. - С.109-138; Палоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX - начале XX вв. - Нальчик, 1976. - С.145-165; Его же. Этюды по истории культуры адыгов. - Нальчик, 1985; Его же. Адаб бакелского культурного движения. - Нальчик, 1991; Меретуков М.А. Русско-адыгские культурные связи (вторая половина XIX - начало XX в) // Проблемы истории и культурного наследия народов Кубани до революционного периода. - Краснодар, 1991. - С.17-27; Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX - начале XX века. - Нальчик, 1996; Мамсиров Б.Х. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. - Нальчик, 2004 и др.

³⁴Кумыков Т.Х. Этапы и особенности развития общественно-политической мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в XIX начале XX в. // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX - начале XX вв. - Нальчик, 1976. - С.11-39; Касумов А.Х. К вопросу о взглядах общественно-политических деятелей на роль ислама в истории адыгов XIX - начала XX века // Там же. - С.251-262; Саблиров М.З. Передовая общественная мысль адыгов и национально-освободительная борьба (конец

истории фольклора и литературы³⁵, истории образования³⁶, становления письменности³⁷. В особую группу историографических источников выделены работы по истории адыгского просветительства, учитывая, что в известном смысле оно представляло основу становления и развития идеологии адыгской интеллигенции³⁸.

Учитывая тот факт, что предметом диссертационного исследования является адыгская интеллигенция в хронологических рамках конца XIX – начала 30-х гг. XX в., важную роль в реконструкции восприятия адыгской интеллигенцией революционных преобразований в России и ее участие в данном политическом процессе имели работы по проблемам общественно-политического развития адыгов в революционный период³⁹.

Непосредственно история адыгской интеллигенции только начала свое оформление в самостоятельную исследовательскую тему: постепенно происходит процесс осмысления исторического прошлого адыгской интеллигенции, формируется проблематика ее научной разработки. Появились первые специальные исследования: монографии⁴⁰ и статьи⁴¹, диссертационные рабо-

XIX – начало XX в.) // Национальная оснобоидительная борьба народов Северного Кавказа и проблема маджирства. – Пальчик, 1994. – С.171-180 и др.

³⁵ Алпева А.И. Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. – Пальчик, 1979. – С.13–39; Салахова А.А. Исидно-художественное становление адыгской литературы. – Майкоп, 1988. – С.5–71 и др.

³⁶ Краснов М. Историческая записка о Ставропольской гимназии. – Ставрополь-Кавказский, 1887; Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.). – Майкоп, 1957; Мамсинов Х.Б. Советская власть и мусульманская система образования в 20-е гг. XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – №3. – С.32–39; Емтыль З.Я. Политика Российской империи в области образования горцев Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века // Научный вестник Южного федерального округа. – 2008. – №3 (7). – С.11–14;

³⁷ Хатапов А. Из истории адыгских алфавитов // Ученые записки ИПИИ. Языковедение. Краснодар. Майкоп, 1966. – С.193–200; Иселев М.И. Языковое строительство в СССР (процесс создания письменности народов СССР). – М., 1979; Зеков У. Краткая история адыгской письменности // Вопросы адыгского языкознания. – Вып. III. – Майкоп, 1983. – С.88–95; Хуако З.Ю. От письменности – к книжной культуре. – Майкоп, 2008 и др.

³⁸ Тресков И. Адыгские просветители и писатели XIX – начала XX века // Очерки истории кабардинской литературы. – Пальчик, 1968; Сабиров М.З. Адыгские деятели культуры и вопросы просвещения народа // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начала XX века. – Пальчик, 1976. – С.277–285; Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. – Пальчик, 1978; Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Пальчик, 1993; Емтыль З.Я. Адыгское просветительство // История Адыгеев с древнейших времен до начала XX в. В 2-х томах. – Т.1. – Майкоп, 2009. – С.347–356 и др.

³⁹ Кубов Ч.Ч. Деятельность КПСС по созданию и укреплению советской национальной государственности адыгского народа // Сборник статей по истории Адыгеев – Ч.1. Советский период. – Майкоп, 1967. – С.33–57; Удигов У.А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937). – Пальчик, 1979; Буров А.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / А.Х. Буров, Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров. – Пальчик, 1999; Кармов А.Х. Дипломатия Горской (Северо-Кавказской) республики в 1918 – нач. 1919 гг. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. – Пальчик, 2002. – Вып. 9. – С.3–19 и др.

⁴⁰ Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность (конец XIX – начало XX вв.). – Краснодар, 2004.

⁴¹ Кузнецов Т.Х. Начало формирования национальной учительской интеллигенции // Кузнецов Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. – Пальчик, 1996. – С.282–304; Емтыль З.Я. Культурно-просветительская деятельность адыгской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. // Неделя науки МГТИ (Материалы научно-практической конференции). – Вып.3. – Майкоп, 1998. – С.38–46; Она же. Общественно-политическая деятельность адыгской интеллигенции. (Начало XX века) // Труды Кубанского государственного технологического университета. – Т.ХVII. – Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С.41–54; Бузуров А.К. Духовно-наблюдательная ин-

ты⁴², в которых внимание сосредотачивается на начальном этапе формирования адыгской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв.

Исходя из состояния историографии, в диссертации выделены проблемы, обусловившие исследовательское пространство истории адыгской интеллигенции. В их число вошли: подготовка национальных кадров специалистов, общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность интеллигенции. В этом ряду следует выделить проблему подготовки профессиональных кадров специалистов, как имеющую наиболее длительный опыт изучения. Однако исследовательское внимание при ее разработке распределялось крайне неравномерно. В работе отмечено, что наряду с достаточно хорошо исследованными формами, методами и практикой подготовки кадров специалистов через российскую систему высших и средних профессиональных учебных заведений в конце XIX – начале XX вв., «восточный культурный канал» в силу идеологических оснований долгое время не был исследован даже в самом общем плане. Острота борьбы против религиозной идеологии, ее пережитков мешали советским исследователям объективно подходить к разработке данной проблемы.

Одним из первых к изучению влияния «восточного культурного канала» на развитие образовательного пространства адыгов обратился З.М. Налоев⁴³. По его мнению, именно с развитием прогрессивных явлений в мусульманском образовании адыгов было связано завершение почти столетнего развития адыгского национального движения за культурный подъем. Эти идеи получили развитие: в современной историографии наблюдается рост научного интереса к развитию мусульманского образования и его влияния на формирование интеллигенции⁴⁴. Предметом особого исследовательского внимания становятся прогрессивные изменения, происходившие в системе мусульманского образования в начале XX в.

В работах 60-80-х гг. на широком фактическом материале, с привлечением обширного круга источников анализировалась политика советской власти по формированию новой интеллигенции, ее сущность и социальная направленность, конкретные методы и формы подготовки специалистов для различных областей народного хозяйства и культуры; анализировались данные о количественном росте социалистической интеллигенции и усложнении ее профессионального состава. Диссертант обращает внимание на то, что

интеллигенция адыгов // Благодарение. – 1996. – №4. – С. 6–7; Бичиева И.С. Светское и духовное образование как факторы формирования кабардинской интеллигенции (конец XIX – начало XX века) // Исторический вестник. – Пальчик, 2006. – Вып. IV. – С. 512–525 и др.

⁴² Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция (конец XIX – начало XX вв.). Дисс... канд. истор. наук. Майкоп, 1999; Бичиева И.С. Кабардинская интеллигенция в конце XIX – начале XX вв. Дисс... канд. истор. наук. Пальчик, 2006.

⁴³ Налоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. Пальчик, 1976. – С. 154–165.

⁴⁴ Налоев З.М. Адыгское культурное пространство. – Пальчик, 1991; Бузаров А.К. Духовно-просветительская интеллигенция адыгов // Благодарение. – 1996. – №4. – С. 5–6; Бичиева И.С. Светское и духовное образование как факторы формирования кабардинской интеллигенции (конец XIX – начало XX века) // Исторический вестник. – Пальчик, 2006. – Вып. IV. – С. 512–525; Бичиева И.С. Восточный культурный канал в художественном пространстве Кабардино-Балкарии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №1. – С. 6–11.

советской историографии было свойственно исследование истории адыгской интеллигенции исключительно как объекта социального действия и однозначно позитивная оценка политики и практики советского государства по формированию новых кадров национальной интеллигенции. Вне поля внимания оставались факторы формирования интеллигенции, связанные с внутренними импульсами развития северокавказского общества. Обнаружилось и некоторое теоретическое отставание исследований по данной теме от общего теоретического уровня освоения подобных проблем в общей историографии российской интеллигенции.

В современной историографии постепенно происходит понимание необходимости переосмысления подходов к исследованию данной проблемы. Наряду с достижениями новой власти в области создания интеллигенции у народов Северного Кавказа отмечается, что проводимая политика имела немалые издержки – низкий образовательный уровень новой интеллигенции, ее недостаточная компетентность⁴⁵. Тем не менее до сегодняшнего дня не существует работ, которые бы с объективных позиций комплексно исследовали политику и практику формирования национальных кадров в первые десятилетия советской власти.

Одной из «магистральных» проблем истории адыгской интеллигенции, слабо отраженных в историографии, является общественно-политическая деятельность. Ее разработка в рамках марксистской методологии характеризовалась преувеличением роли интеллигенции в подъеме революционного сознания трудящихся⁴⁶. Более того, делались выводы о том, что к началу XX в. основным стержнем политической жизни народов Северного Кавказа была революционная борьба⁴⁷. В этой связи в диссертации особо выделена точка зрения В.П. Крикунова, идущая вразрез со сложившимися в советской историографии подходами. Им, в частности, было отмечено, что характерной особенностью социального движения горцев Северного Кавказа было то, что оно не ориентировалось на русское освободительное движение и преследовало две основные цели – национальное и социально-экономическое освобождение⁴⁸. Данная идея получила развитие в современной историографии. В частности, Р.Х. Хашхожева отмечает, что основным содержанием творчества адыгских просветителей в конце XIX – начале XX вв. являлось противостояние национально-колониальной и великодержавно-шовинистической политике царизма⁴⁹.

В диссертационной работе отмечено, что важной составляющей изучения общественно-политической деятельности интеллигенции является ее участие в революционных событиях 1917-1920 гг. В то же время парадокс

⁴⁵ Чандарина О.М. Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994. – С. 190.

⁴⁶ Очерки истории Адыгее. Т.1. – Майкоп, 1957. – С.454; Схадыхо А.А. Идеино-художественное становление адыгской литературы. – Майкоп, 1988. – С.64.

⁴⁷ Кумыков Т.Х. Этносы и особенности развития общественно-политической мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее в XIX – начале XX века // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. – Нальчик, 1976. – С.14.

⁴⁸ Крикунов В.П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. – Нальчик, 1958. – С.99.

⁴⁹ Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Нальчик, 1993. – С.88.

состоит в том, что проблема «интеллигенция и революция», являющаяся на протяжении долгих лет одной из центральных проблем общей историографии интеллигенции, так и не стала предметом исследовательского внимания в изучаемом контексте несмотря на большую политическую активность, проявленную адыгской интеллигенцией в революционный период.

В советской историографии сложилась традиция, в соответствии с которой позиция адыгской интеллигенции расценивалась как реакционная, при этом не предпринималось попыток разобраться в истинных целях и мотивах ее политической деятельности. Это выглядит тем более странным, что в общей историографии российской интеллигенции уже в 60-70-е гг. происходило осознание необходимости ухода от догматизма в определении позиции интеллигенции в отношении революционных преобразований, подвергался критике упрощенный и прямолинейный подход к вопросу о политической позиции интеллигенции⁵⁰.

В диссертации подчеркивается, что более широкие возможности в разработке проблемы открылись в связи с появлением ряда работ, основанных на новых исследовательских подходах. Они позволяют по-иному взглянуть на сущность социально-политических процессов в адыгском обществе в период революционных преобразований и участие в них национальной интеллигенции⁵¹. Возникло понимание того, что горская интеллигенция выступила своеобразным катализатором процесса национального самоопределения народа и стремилась использовать благоприятный политический момент для национально-демократического развития северокавказского региона.

Среди значимых проблем истории адыгской интеллигенции, нуждающихся в объективном научном осмыслении, автор также отметил проблему взаимоотношений «новой» власти и «старой» интеллигенции. Характерной чертой советской историографии адыгской интеллигенции являлось то, что она была направлена на отражение политики советской власти в отношении старой интеллигенции и не была ориентирована на исследование позиции другой стороны – «старой» интеллигенции. Современная же адыгская историография только стоит на пороге исследования данной проблемы: с большим опозданием от общей историографии интеллигенции происходит формирование исследовательских подходов к ее изучению.

Наиболее изученной в отечественной историографии является культурно-просветительская деятельность интеллигенции, выделены и разработаны ее основные направления: вклад в развитие национального образования, разработку письменности, в становление национального театрального искус-

⁵⁰ Красильников С. А., Соскин В. Л. Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции (к историографии проблемы) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). – Новосибирск, 1978. – С. 21; Ушаков А. В. Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций (профессиональная и политическая структура). – С. 53.

⁵¹ Кошев М. А. Штрихи к северокавказскому политическому процессу 1917 года // Кошев М. А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). Майкоп, 1999; Боров А. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / А. Х. Боров, Х. М. Думайлов, В. Х. Кажаров. – Нальчик, 1999; Баженов Б. Х. Новые страницы истории Кабардино-Балкарии в 20 – 30-х гг. / Б. Х. Баженов, А. Х. Мукожев // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. Нальчик, 2002. Вып. 9. С. 243–250 и др.

ства, а также в пропаганду и популяризацию адыгской истории и культуры. В диссертации отмечено, что наибольшее внимание в отечественной историографии обращено на исторические публикации конца XIX – начала XX вв. Однако на фоне обстоятельно исследованного творчества таких общественных деятелей как Ю. Ахметуко, С. Довлет-Гирея, С. Сиюхова, Б. Шарданова, И. Цся, А. Шогенцукова все еще слабо изученным остается творчество адыгов, получивших образование в странах Востока, писателей-публицистов, сотрудничавших с журналом «Мусульманин».

Проведенный историографический анализ свидетельствует о том, что сложившиеся подходы не позволяют в достаточной степени реконструировать многогранную историю адыгской интеллигенции. Исследовательские акценты расставлены таким образом, что в центре научного внимания, как правило, оказываются вопросы, связанные с политикой государства в отношении интеллигенции, в то время как важные вопросы, обусловленные внутренними импульсами развития интеллигенции как социокультурной группы, содержанием ее общественной деятельности оказываются менее разработанными. Интеллигенция по сложившейся в советской историографии традиции исследуется, главным образом, как объект, а не субъект социального действия. Достигнутый уровень разработки данной проблемы выдвигает задачу создания комплексного исследования по истории адыгской интеллигенции, нацеленного на системный анализ многообразных факторов, определивших ее общественную роль в конце XIX в. – начале 30-х гг. XX в.

Во второй главе «Формирование адыгской интеллигенции в условиях трансформации системы общественных отношений» исследуются исторические условия формирования адыгской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв., политика советской власти в отношении интеллигенции как социокультурной группы, непосредственная практика привлечения адыгской интеллигенции на сторону советской власти, а также процесс создания «новой» национальной интеллигенции.

В первом параграфе «Исторические условия формирования адыгской интеллигенции. Складывание основных социокультурных групп (конец XIX – начало XX в.)» осуществлен комплексный анализ процессов, происходивших в различных областях общественной жизни адыгов. Он позволил говорить о складывании целой совокупности условий формирования национальной интеллигенции, вытекавших как из развития самого адыгского общества, так и характера взаимодействия с Российской империей и мусульманским Востоком. Специфика исторических условий существования адыгов в XIX в. определила нетрадиционную природу происхождения национальной интеллигенции. Ее появление было обусловлено сложными политическими, этносоциальными процессами в регионе. Наличие угрозы существования адыгов как этноса усиливало консолидационные процессы в обществе и способствовало выделению интеллигенции как социокультурного слоя, способного посредством формирования комплекса ценностно-ориентированных представлений обеспечить самосохранение и развитие народа.

В работе подчеркивается, что важную роль в формировании национальной интеллигенции играла политика царской администрации. Включение региона в состав Российской империи поставило перед властью не только проблему включения адыгов в общую правовую и административную систему, но и принятия ими культурных и социальных норм, существовавших в российской государстве. Это естественным образом вызывало стремление властей к созданию в лице интеллигенции «группы-транслятора» культуры как проводников своего влияния и средства обеспечения своих интересов.

Говоря о стремлении царских властей к созданию группы-транслятора русской культуры, диссертант отметил, что в подобной группе было заинтересовано и собственно адыгское общество. Наиболее дальновидные представители адыгского народа все четче стали понимать, что их положение в государстве зависит от того, насколько они смогут адаптироваться в новых общественно-политических условиях. Адаптация, в первую очередь, подразумевала освоение новых нормативных, ценностных структур, существовавших в российском обществе. В известной степени, поэтому с конца XIX в. в адыгском обществе происходило активное осмысление важности светского образования как одного из основных способов адаптации. Зрело понимание того, что образование облегчает жизненную карьеру, что от него зависит социальный статус в российском государстве. Эта тенденция нашла отражение во множестве прошений горцев на предоставление права поступления в российские учебные заведения.

Отмечая нетрадиционную природу происхождения национальной интеллигенции, обусловленную сложными политическими, этносоциальными процессами, происходившими у адыгов, автор обратил внимание на то, что на определенном этапе формирования данной социокультурной группы стало проявляться и влияние социально-экономического фактора. С включением Северного Кавказа в Российскую империю, капитализацией его социально-экономической жизни важное место в политике властей в регионе заняла задача подготовки квалифицированных кадров из среды местного населения. Происходившие социально-экономические изменения накладывали «отпечаток» на общественное сознание адыгов, которые начинали понимать практическую важность овладения достижениями европейской цивилизации. Если до проведения реформ на Кавказе горцы стремились, главным образом, получить военное образование, то с 70-х гг. XIX в. проявляется тенденция расширения сферы профессиональных интересов адыгской молодежи. Значительная ее часть стала искать возможность обучения в высших специальных учебных заведениях.

Исходя из того, что интеллектуально-образовательная характеристика является базовой характеристикой интеллигенции, необходимым условием ее формирования было становление системы образования, которая способствовала выделению и численному увеличению слоя образованных людей в адыгском обществе, усложнению его профессиональной структуры и расширению социальной базы.

В работе отмечается, что специфические условия существования адыгов, связанные, с одной стороны, с включением в состав Российской империи, а с другой, с выраженным влиянием культуры мусульманского Востока предопределили формирование национальной интеллигенции в двух направлениях: «восточном», объединившем выходцев из адыгской среды, получивших арабо-мусульманское образование в Сирии, Египте, Турции, и «западном», к которому относились горцы, обучавшиеся в российских светских учебных заведениях. С данным обстоятельством связано существование в составе национальной интеллигенции двух групп, которые условно могут быть обозначены как светская и духовная интеллигенция. Обращается внимание на то, что в силу специфического положения и функциональных задач в адыгском обществе и несмотря на активную деятельность российских властей по приобщению адыгов к светскому образованию, именно духовенство являлось той благоприятной социокультурной основой, которая из своей среды к началу XX в. выделяла наибольшее количество представителей национальной интеллигенции.

Второй параграф «Политика советской власти в отношении интеллигенции: идеи и реальность» посвящен анализу политики советской власти в отношении интеллигенции без которого, по мнению диссертанта, сложно понять сущность изменений, происходивших в развитии национальной интеллигенции в постреволюционный период.

Автор отметил, что приход к власти большевиков в результате Октябрьского переворота 1917 г. потребовал от них выстраивания отношений и выработки политики в отношении всех слоев российского общества. Предметом особого внимания стала интеллигенция. С самого начала четко обозначались некоторые системообразующие элементы формировавшейся политики в отношении интеллигенции. В ее основе лежало своеобразное восприятие интеллигенции. Лидеры большевиков исходили из социально-классового критерия, рассматривая интеллигенцию как «прослойку» с неопределенными экономическими интересами и политическими позициями, занимающую подчиненное положение по отношению к ведущим классам общества. Интеллигенция при этом определялась на основе достаточно четких, общественно значимых параметров: работа на профессиональной основе, связанная со сложным умственным трудом в сфере материального и духовного производства, наличие специальной квалификационной сертификации.

Осуществленный анализ позволил говорить о том, что политика советской власти в отношении интеллигенции носила дифференцированный характер и претерпевала изменения под влиянием менявшейся общественно-политической, экономической и социокультурной обстановки в советском государстве. Однако принципиальная позиция новой власти в отношении интеллигенции определялась своеобразным восприятием интеллигенции как общественной прослойки, предназначение которой заключалось в обслуживании пропагандистских и профессионально-кадровых запросов советского государства. Она, по сути, не предполагала рассмотрения интеллигенции в качестве активного субъекта политического действия. Власти не нужны были

теоретики, критики действительности и предсказатели какого-либо иного будущего помимо того, которое было определено установленной партийной доктриной. Данный подход определил направленность и содержание изменений данной социокультурной группы и политику советской власти в ее отношении.

Действия новой власти в отношении интеллигенции зачастую были непоследовательны и противоречивы. От политики привлечения старых специалистов к процессу социалистического строительства в первые послереволюционные годы, вызванной необходимостью развития производительных сил страны, советское политическое руководство к концу 20-х гг. переходит к практически насильственному вытеснению старой интеллигенции из всех сфер производственной и культурной деятельности и замене ее новой пролетарской интеллигенцией. При этом ключевое значение придавалось ее социальному составу.

В работе отмечается, что четко обозначенная советской властью политика пролетаризации интеллигенции создавала условия для формирования новой интеллигенции, преданной классовым интересам трудового народа и готовой воплощать в жизнь поставленные партией задачи. В то же время она приводила к сужению функционального поля интеллигенции, нарушению процесса ее самовоспроизводства и, как следствие, нарушению преемственности между старой и новой интеллигенцией.

Рассматривая процесс формирования политики советской власти в отношении интеллигенции, диссертант заметил, что Россия являлась многонациональным государством, поэтому и политика в отношении интеллигенции имела четко выраженный национальный аспект. Он стал проявляться уже в начале 20-х гг. XX в. и был тесно связан с решением национального вопроса.

В отличие от центральной части России советское руководство в национальных районах не могло прибегать к тактике устрашения и репрессий в отношении интеллигенции, так как это неизбежно вызвало бы их отторжение от России. Политика советской власти в отношении национальной интеллигенции оказалась более лояльной. Привлечение национальной интеллигенции на сторону советской власти стало важным условием преобразования общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни национальных регионов страны и органичного «вписания» их в советское государственное пространство.

Не смотря на существование общих системообразующих элементов политики советской власти в отношении интеллигенции, в работе подчеркивается, что в ходе ее реализации в национальных районах Северного Кавказа в целом и адыгских национальных автономиях в частности властям пришлось столкнуться с дополнительными трудностями, проистекавшими из особенностей организации общественной жизни горцев. Это потребовало от властей корректировать общие установки в отношении интеллигенции с учетом местных особенностей.

В третьем параграфе «Практика привлечения интеллигенции на сторону советской власти: трудности и противоречия» отмечается, что совет-

ской власти приходилось выстраивать отношения с национальной интеллигенцией в достаточно трудных условиях, связанных как с ментальными особенностями адыгской интеллигенции, так и с различиями целей сотрудничества. Если советская власть стремилась использовать национальную интеллигенцию в качестве непосредственного проводника новых ценностей и идей в горской среде, «помощника» в деле уничтожения феодально-патриархальных пережитков и формирования интернационалистического сознания, то адыгская интеллигенция, помимо естественного стремления социально адаптироваться к новым общественно-политическим условиям существования, стремилась использовать союз с властью в целях создания национальных субъектов с широкими полномочиями в области обустройства национальной жизни.

Привлечение «старой» интеллигенции к осуществлению социалистических преобразований для советской власти осложнялось также преобладанием в ее составе мусульманского духовенства, являвшегося в силу исторических обстоятельств наиболее влиятельной частью национальной интеллигенции. Это поставило новую власть перед необходимостью поиска компромиссов и уступок в отношении духовной интеллигенции. Политика новой власти в отношении данной группы интеллигенции характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и принципиальным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства и православной церкви, сросшихся с государственной властью в Российской империи.

Определенную роль в лояльности властей к местному духовенству сыграл и тот факт, что среди образованных слоев адыгского общества было абсолютное преобладание мусульманского духовенства и их ближайших родственников. Реализовать кадровую политику большевиков в регионе, провести коренизацию управления и образования без участия мусульманского духовенства не представлялось возможным. Именно поэтому большой процент управленцев и учителей советских образовательных учреждений разного уровня состоял из представителей мусульманского духовенства или их родственников.

Проявлением лояльности советской власти к мусульманской интеллигенции, по мнению диссертанта, стало предоставление права преподавания ислама на дому и в мечетях. При этом был введен запрет на преподавание в мечетях общеобразовательных предметов. Сохранилось влияние мусульманского духовенства и в правовой сфере. В адыгских автономиях в порядке исключения продолжали функционировать шариатские и адатские суды, хотя их правовой статус так и не был определен.

В диссертации подчеркивается, что советское политическое руководство отдавало себе отчет в том, что успехи в осуществлении социалистических преобразований в горских районах Северного Кавказа в значительной степени зависели от направленности проводимой национальной политики. Понимая, что рассчитывать на вовлечение северокавказской интеллигенции в социалистическое строительство, основываясь на классовом противостоянии,

не приходится, лидеры большевиков были вынуждены ответить на экзальтированные национальные устремления горцев.

Широкая пропаганда большевиками среди горцев положений «Декларации прав народов России», «Обращения СНК к трудящимся мусульманам России и Востока» дала свои положительные результаты. Значительная часть адыгской интеллигенции считала, что их реализация создаст условия не только для ликвидации национального гнета и сохранения национальной культурной самобытности народа, но и его самоопределения. Непосредственное участие в организации работы новых органов власти, культурно-просветительских учреждений, по мнению интеллигенции, позволяло влиять на общественно-политические и социокультурные преобразования через легальные каналы.

В исследовании отмечается, что широкое привлечение старой интеллигенции к работе в автономных органах власти и культурно-просветительской сфере было временной, вынужденной мерой, не соответствовавшей общей направленности политики и идеологии новой власти. В конце 20-х гг., реализуя общую партийную установку в отношении интеллигенции, власти переходят от тактики толерантного отношения к старой национальной интеллигенции к ее практически насильственному вытеснению из всех сфер общественной жизни.

Диссертант обращает внимание, что политика вытеснения «старой» национальной интеллигенции была обусловлена не только необходимостью очистить аппарат от классово чуждых элементов, но и стремлением новой власти интернационализировать все сферы общественной и духовной жизни советских народов. Призывы «старой» национальной интеллигенции учитывать национально-культурную специфику народа в процессе социалистического переустройства, безусловно, мешали решению данной задачи. В результате национальная интеллигенция была обвинена в подмене классового принципа национальным. Типичными в адрес национальной интеллигенции стали обвинения в том, что она сбилась «с классово верного пути», не могла противостоять «буржуазно-националистическим отрывкам в ней самой»⁵².

В работе подчеркивается, что вытеснение «старой» интеллигенции из всех сфер общественной жизни приводило к значительному снижению уровня интеллектуальной среды, утрате духовных традиций и нарушению преемственности между «старым» и «новым» поколением национальной интеллигенции.

В четвертом параграфе «Создание новой интеллигенции: углубление дифференциации» отмечается, что ключевую роль в развитии процесса формирования адыгской интеллигенции играли мероприятия советской власти по созданию «новой» национальной интеллигенции. Они не только придали ему новый, мощный импульс, но и резко изменили его характер и содержание.

В данном разделе на обширном фактическом материале исследуются разнообразные формы и методы подготовки национальных кадров специалистов как внутри автономий, так и за их пределами. Подчеркивается, что инициированная советской властью массовая подготовка национальных кадров

⁵² Адыгейская Советская поэзия. Доклад на первом съезде писателей и поэтов Адыгеи // Архив АРПИИ.

специалистов способствовала расширению «поля» формирования национальной интеллигенции и вела к ее значительному численному росту.

Вместе с тем отмечается, что в первое десятилетие существования советского государства трудно было говорить о каких-либо плановых началах в вопросах распространения образования среди адыгов. В основе этого лежала политическая нестабильность и неустойчивость хозяйственной жизни. С начала 30-х гг. отправка в вузы и техникумы национальной молодежи стала носить более организованный и продуманный характер. Начали разрабатываться единые планы подготовки национальных кадров. Советские партийные и исполнительные органы стали рекомендовать колхозным и хозяйствующим организациям производить расчет необходимой потребности в кадрах в отдельных отраслях промышленности, колхозно-совхозного и культурного строительства.

Анализируя практику подготовки национальных кадров специалистов, диссертант пришел к заключению, что она имела выраженную профессиональную ориентацию. В первую очередь формировались такие ее профессиональные группы, как учителя, специалисты сельского хозяйства. Данное обстоятельство было обусловлено как сельскохозяйственной направленностью экономики региона, так и политическими задачами советской власти, которая с самого начала высоко оценила роль образования в строительстве нового социалистического общества.

Особое внимание в работе обращено на то, что советская власть придавала принципиально важное значение «правильному» классовому подходу при подготовке национальных кадров специалистов. Особенно принципиально этот вопрос стал с середины 20-х гг. XX в. Основная партийная директива состояла в комплектовании состава учебных заведений по всем видам образования по классовому признаку.

В 1926 г. стали создаваться специальные Аттестационные комиссии «в целях отбора наиболее пригодных в классовом отношении в Вузы лиц...». Особое внимание комиссии должны были уделять «крестьянскому молодняку». Задача Аттестационных Комиссий в отношении лиц этой категории состояла в том, чтобы отобрать и направить в ВУЗы «ценную» в классовом отношении крестьянскую молодежь. С конца 20-х гг. от командированных абитуриентов требовали предоставления целого перечня документов, среди которых первое место занимали справки о социальном происхождении, о социальном положении и не лишении права голоса⁵³.

Однако классовый подход к комплектованию состава учащихся не вписывался в социально-культурные реалии быта адыгского народа. Среди социально близких советской власти слоев населения в начале 20-х гг. не было подготовленного «материала» как с точки зрения наличия базовой подготовки, так и с точки зрения заинтересованности в возможности получения образования. Поэтому пролетаризация высшего и среднего образования сле-

⁵³ ГУНАРА, Ф. р-1. Оп. 1 Д.229. Л.6.

лала актуальной довузовскую подготовку через систему рабочих факультетов и подготовительных курсов.

В диссертации подчеркивается, что жесткая классовая ориентация в области подготовки национальных кадров интеллигенции отражалась не только на изменении ее социального состава. Создавались условия, при которых сильно ограничивались возможности получения «большого» образования детьми представителей «старой» интеллигенции, которые в отличие от молодежи пролетарского происхождения обладали необходимой суммой знаний и были способны к восприятию и усвоению сложных профессиональных навыков. Более того, существенное упрощение требований, предъявляемых к уровню базовой подготовки учащихся из трудовых слоев населения не могло не отражаться на качестве их профессиональной подготовки.

В работе особо отмечается, что советская практика подготовки новых профессиональных кадров кардинальным образом отразилась на изменении духовного облика национальной интеллигенции. Политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификачеству. Содержание национальных культур в соответствии с их планами должно было быть напoлно пролетарским, интернациональным, социалистическим содержанием. В результате советская система образовательных учреждений была ориентирована на интернациональное воспитание трудящихся и борьбу с патриархально-феодальными пережитками. Активно внедрялось представление о культурной отсталости народов, населявших национальные окраины РСФСР. Это формировало у новой национальной интеллигенции отторжение национальных основ культуры. Интеллигенция становилась проводником идей, направленных на интернационализацию сознания и быта своего народа и размывавших его национально-культурную специфику. «Новая» интеллигенция в массе своей была готова с энтузиазмом реализовывать не только профессиональные, но и идеологические задачи, намеченные коммунистической партией и большевистским правительством.

Анализ деятельности властей по формированию «новой» интеллигенции позволил сделать вывод о том, что она имела противоречивые результаты. Наряду с численным ростом национальной интеллигенции, усложнением ее профессионального состава и степени вовлечения в работу региональных, областных и местных органов власти, происходило значительное сужение общего уровня интеллектуальной среды и утрата духовных традиций.

В третьей главе «Общественно-политическая деятельность интеллигенции: содержание, направление и формы» исследуется формирование ценностно-ориентированной основы общественно-политической деятельности в конце XIX – начале XX в., ее содержание и направления в период революционных событий в России и деятельность национальной интеллигенции по наиболее оптимальному «вписанию» адыгов в советское политическое пространство.

В первом параграфе «Формирование ценностно-ориентированной основы общественно-политической деятельности» отмечается, что историческая динамика «переходов» и связанная с ними трансформация системы об-

щественных связей определила рост политической активности адыгской интеллигенции.

Проведенное в рамках данного раздела работы исследование позволило говорить о том, что содержание, направление и формы общественно-политической деятельности интеллигенции определялись сложными социально-политическими условиями жизни адыгов, в которых приоритетное значение приобрела задача самосохранения и самоутверждения народа. В плане решения этих задач и развернулась деятельность интеллигенции. В ее основу легло стремление к наиболее оптимальному «вписанию» адыгов в социально-политическую систему российского государства при сохранении и развитии значимых для дальнейшей эволюции этноса элементов культуры.

В результате в качестве наиболее значимых направлений общественно-политической деятельности интеллигенцией были определены развитие этнического сознания адыгов, борьба против ущемления их гражданских и политических прав. При этом характерной особенностью общественно-политической деятельности интеллигенции в конце XIX — начале XX вв. являлось то, что, как правило, она не приводила к прямой оппозиции во взаимоотношениях с властью. Понимая невозможность решения общественных задач с позиции силы, она не шла на конфронтацию, а искала пути к их решению в конкретных условиях существования.

Анализ введенных в работу материалов позволил утверждать, что одной из наиболее острых в восприятии интеллигенции являлась проблема политического бесправия адыгского населения. Она хорошо понимала, что национальное самосохранение адыгов зависит от правового статуса этого народа в российском государстве. В этой связи интеллигенция не только стремилась привлечь внимание властей к данной проблеме, но и ставила вопрос о представительстве адыгов в органах административного управления всех уровней и в окружных судах.

Большой резонанс в среде интеллигенции вызвал Манифест 17 октября 1905 г., объявивший о намерении предоставить места в Государственной думе представителям национальных окраин. Однако Положение о выборах в I Государственную думу (февраль 1906 г.) на Кавказ не распространялось. Лишь в августе 1906 г. царским указом были утверждены «Особые правила о выборах в Думу, составленные с изъятиями из положения о выборах в империю», но адыги, как и другие северокавказские народы, не получили права иметь своего депутата в Думе, что естественным образом вызывало критическую реакцию интеллигенции.

В работе отмечается, что большое влияние на развитие общественно-политического сознания интеллигенции оказало усиление национально-религиозного движения мусульманских народов Российской империи. Анализ разноплановых источников позволил говорить о том, что интеллигенция стала осознавать необходимость выделения адыгского духовенства в специ-

альное «организационное ведомство, признанное правительственной санкцией, с определенным положением, правами и преимуществами»⁵⁴.

Важным аспектом общественной деятельности интеллигенции, по мнению автора работы, стало осознание политической и социальной значимости прекращения процесса переселения адыгов в Османскую империю. В целом комплексе публицистических работ предпринимались попытки раскрыть негативную роль Турции в судьбе переселенцев в Кавказа. Прекрасно понимая, что к переселению адыгов толкают, главным образом, бедность и произвол русского чиновничества, интеллигенция старалась предостеречь своих соотечественников от этого опрометчивого шага. Отмечалось, что обещания, данные Турцией, оказались лишь обещаниями, в действительности же тысячи молодых жизней оказались погребенными в «голодных» песках Малой Азии.

Учитывая то обстоятельство, что основная масса адыгов была безграмотна, особую роль приобретала непосредственная пропаганда среди масс адыгского народа. В начале XX в. подобная разъяснительная работа приобрела особую значимость в связи с тем, что многие прогрессивные мусульманские деятели связывали большие надежды с социально-политическими изменениями в Турции.

Важным результатом развития адыгской интеллигенции стали изменения в ее внутренней организации. С начала XX в. все ошутимее стала проявляться потребность в объединении усилий для решения важных общественных задач, стоявших перед адыгским народом. Это способствовало внутренней консолидации молодой адыгской интеллигенции – созданию общественных организаций, проведению совместных национально ориентированных мероприятий, изданию специализированных печатных изданий.

Исследование общественно-политической деятельности интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. позволило говорить об ее индифферентности в отношении революционно-демократического движения в России. В ее основе лежало понимание того, что для сохранения и развития социокультурного единства народа необходима его консолидация. Оторванность интеллигенции от революционно-демократического движения объяснялась также тем обстоятельством, что социальные противоречия у адыгов не были столь выражены, как в российском обществе, в силу отставания темпов социально-экономического развития.

Во втором параграфе «Революционные события в России: активизация общественно-политической деятельности» отмечается, что революционные события в России (1917–1920 гг.) служили мощным толчком активизации общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции и поиска ею путей дальнейшего общественно-политического развития своего народа. Специфические условия существования адыгов определили тот факт, что центральной вопросом общественной жизни стал национальный вопрос. Интеллигенция, несмотря на все разнообразие политических позиций, стремилась не только к сохранению национально-культурной самобытности сво-

⁵⁴ Сухов С. На новый год // Сефербий Сухов – адыгский просветитель. – С. 102.

его народа, но и к его самоопределению. Почувствовав некоторую политическую свободу, адыгская интеллигенция предприняла значительные усилия по поднятию политической значимости своего народа. В плане решения данной политической задачи в работе была рассмотрена деятельность интеллигенции по проведению собрания горцев Кубанской области в Ектеринодаре (март 1917 г.), Хакуринохабльского съезда (август 1917 г.), созданию партии «Свободная Кабарда», а также участие адыгских представителей в деятельности Кубанской Законодательной Рады.

В работе обращается внимание на то, что содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции в революционных условиях определялись во многом внешними факторами. Не смотря на это, интеллигенция выступила как достаточно независимая политическая сила в смысле выбора политических ориентиров. Ситуация в стране диктовала ориентацию на прагматичное поведение. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил интеллигенция пыталась опереться на поддержку тех, которые, по ее мнению, были способны содействовать оформлению суверенитета адыгов.

При этом интеллигенция оказывалась гораздо более индифферентной в отношении социально-экономической, классовой политики борющихся за власть политических сил. Данный факт определялся как значимостью проблемы национального самосохранения, так и классовой природой интеллигенции, в которой преобладали выходцы из социальных верхов адыгского общества.

В работе особо отмечается то обстоятельство, что активно включившаяся в политические процессы национальная интеллигенция продемонстрировала понимание того, что все северокавказские народы должны консолидировать свои усилия в борьбе за повышение своего статуса не только на уровне отдельных областей и этносов, но и всего региона. Осознавалась необходимость организационного оформления движения горцев за свои права. В русле решения этой политической задачи представители адыгской интеллигенции приняли активное участие в организации Особого Комитета горцев Северного Кавказа, проведении I съезда горских племен Северного Кавказа во Владикавказе, а также съезда горской интеллигенции в Новороссийске.

Анализ введенных в работу материалов позволил говорить о том, что по мере развития революции адыгская интеллигенция оказалась втянутой в жесточайшую политическую борьбу в ходе которой часть интеллигенции перешла на сторону советской власти. Обращается внимание на то, что данный факт был обусловлен, с одной стороны, великодержавной политикой белого движения, которая грозила горцам возвратом в имперское прошлое, а с другой, грамотно организованной пропагандистской работой РСДРП(б) среди народов Северного Кавказа.

Автор подчеркивает, что заявленные большевиками демократические принципы организации государственной жизни в новой России, решительное отрицание всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей, отмена всяких национально-религиозных ограничений, признание права народов на самоопределение, призыв свободно и беспрепятственно уст-

раивать свою национальную жизнь становились для многих представителей интеллигенции Северного Кавказа, в том числе и духовной, гораздо предпочтительнее и понятнее, чем лозунг белого движения о «единой и неделимой России». В результате поддержку большевикам в годы гражданской войны оказывала не только малочисленная леворадикальная часть адыгской интеллигенции, но и та, которая не разделяла политической доктрины большевиков. Наиболее ярким результатом пропагандистской работы большевиков стало движение революционных мулл, получившее широкое распространение среди духовной интеллигенции Кабарды.

Диссертант пришел к заключению, что в сложившихся политических обстоятельствах именно с Советской властью они связывали возможность реализации своих надежд относительно национального самоопределения и организации общественной жизни народа на основах шариата. Основную массу революционных мулл составили выходцы из адыгской так называемой трудовой крестьянской среды. Именно из нее происходили наиболее крупные представители революционного духовенства Н. Катханов, Х. Эльбердов, А. Шогенцуков, А. Абуков, считавшие, что идея социальной справедливости вытекает из самой сути учения ислам. Принимая деятельное участие в становлении Советской власти на Северном Кавказе, они полагали, что «шариат и советская власть совместимы, т.е. могут работать в контакте»⁵⁵.

В работе отмечается, что гражданская война в России вызвала политическую поляризацию адыгской интеллигенции не только в рамках белого и красного движения. Все большее распространение в ее среде начинают получать идеи панисламизма, которые наиболее последовательно реализовывались Союзом объединенных горцев Кавказа. Если до Октябрьской революции Союз провозглашал своей целью создание горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики, то после прихода к власти большевиков идейные лидеры Союза приходят к мысли о полном самоопределении. При этом как приоритетная рассматривалась коллективная форма государственности на Северном Кавказе. Обострение внутренних противоречий в условиях гражданской войны, по мнению сторонников Союза, создавало условия для национально-политического самоопределения северокавказских народов.

Анализ введенных в работу материалов позволил утверждать, что в годы революции и гражданской войны адыгская интеллигенция активно включилась в процесс поиска дальнейших путей общественно-политического развития своего народа. В этот период она выступила как достаточно независимая политическая сила в смысле выбора политических ориентиров. Основным содержанием ее деятельности, несмотря на все разнообразие политических позиций, стало стремление к оформлению национального суверенитета адыгов.

В третьем параграфе «Проблемы «вписания» в советское политическое пространство» указывается, что начало новому этапу общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции положило установле-

⁵⁵ Дзуев Г. К. Кровавое лето 1928-го. - С. 24. ИДНИ КБР. Ф.1. Оп.1. Д.80. Л.47.

ние в конце марта – начале мая 1920г. советской власти на Северном Кавказе. Он характеризовался необходимостью такого «вписания» адыгов в новое политическое пространство, которое бы максимально обеспечивало представление и защиту их национальных, правовых и культурных интересов. Основными целями общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции стала реализация заявленного советской властью права на национальное самоопределение и развития исламских структур в новых политических реалиях.

Однако процесс национального самоопределения адыгов оказался чрезвычайно сложным. Решение вопроса о национальном самоопределении адыгов, как и всех остальных северокавказских народов, зачастую становилось полем противостояния представителей национальной интеллигенции и центральных органов власти, политика которых в национальном вопросе имела выраженное стремление к унификационности.

Хотя властям и не удалось уйти от широкого публичного обсуждения наиболее приемлемых форм национального самоопределения, постоянно иницилируемого интеллигенцией, тем не менее главная цель деятельности в области национального строительства – создание национальных субъектов с широкими полномочиями в области обустройства своей национальной жизни – так и не была достигнута. Реализованная в СССР в начале 20-х гг. модель национальных автономий не создавала условий для развития проявившихся с начала Февральской революции консолидационных процессов у адыгов.

В работе отмечено, что одним из важных направлений общественно-политической деятельности интеллигенции являлось расширение социальных функций ислама и адаптация его структур к новым общественно-политическим условиям. В решении этой проблемы наибольшую политическую активность проявила духовная интеллигенция. С самого начала установления советской власти она активно включилась в выстраивание с ней конструктивных отношений. В этом плане особо выделена политическую активность духовных деятелей Кабарды. Выступив с оружием в руках на стороне советской власти, революционные муллы Кабарды развернули активную деятельность по включению их в состав исполнительных органов власти. Стремление духовенства «войти во власть», по мнению автора, прежде всего объяснялось желанием обустройства национально-государственной жизни своего народа на основах, обеспечивавших сохранение и развитие национально-культурной специфики адыгского народа.

В работе подчеркивается, что общественная активность мусульманского духовенства приобретала все больше организованный характер. В начале 20-х гг. в Адыгее и Кабарде были образованы шариатские советы, в состав которых вошли авторитетные духовные деятели. В первой половине 20-х гг. в Адыгее по инициативе духовенства было проведено четыре съезда с участием верующих. Анализ их материалов четко обнаружил значимость двух основных задач: выстраивание отношений с новой властью и реформа ислама в соответствии со сдвигами, произошедшими во всех областях общественной жизни.

О готовности духовной интеллигенции к поиску компромиссов во взаимоотношениях с властью свидетельствуют решения, принятые мусульманскими съездами Адыгее-Черкесской автономной области. В частности, духовенство поддержало линию на укрепление советской власти на местах и искоренение агитации против нее, а также приняло решение о направлении части средств от закята на культурно-просветительские нужды⁵⁶. В работе подчеркнуто, что наиболее активную общественную позицию заняла прогрессивная часть адыгского духовенства, стремившаяся «приспособить» обряды и структуры ислама к изменениям, которые произошли в результате революции 1917 г.

Одним из принципиально важных направлений общественной деятельности мусульманского духовенства являлось противостояние действиям властей, направленным на отчуждение его от жизни адыгского общества и возможности открытого участия в общественно-политических процессах через лишение духовенства избирательных прав.

Наиболее принципиальную позицию заняли так называемые «революционные муллы» в лице своих лидеров Н. Катханова, К. Шогенцукова, А. Абукова, в свое время принявших деятельное участие в установлении советской власти на Северном Кавказе. Будучи убежденными в возможности мирного сосуществования коммунистической партии и мусульманской религии, они открыто выступили против политики притеснения мусульманской веры и исламских деятелей, развернув работу в массах верующих, используя в своей деятельности все возможные легальные средства (съезды советов, беспартийные крестьянские конференции, перевыборы). Власти достаточно жестко реагировали на подобные выпады духовной интеллигенции в свой адрес, подвергая активистов аресту и высылке.

В работе обращается внимание на то обстоятельство, что национальная интеллигенция не всегда адекватно оценивала сложившуюся политическую ситуацию. Довольно большое распространение среди оппозиционно настроенной интеллигенции получило мнение, согласно которому ужесточение политики в отношении ислама, аресты духовенства и «затыкание ртов говорившим правду», происходило по санкции местных властей, а не центра.

Анализ ранее недоступных для исследователей источников позволил автору работы установить, что прокатившаяся по адыгским автономиям в конце 20-х гг. волна арестов духовных лидеров, закрытие мечетей и мусульманских школ вызвали резко негативную реакцию адыгского населения и в особенности мусульманского духовенства. Оно стало осознавать, что политика советской власти, несмотря на заявленные ею демократические принципы организации государственной жизни, направлена на полное вытеснение мусульманства из всех сфер общественной жизни.

В результате в среде духовенства, некогда лояльного к новой власти, происходит раскол. Часть духовенства, понимая бесперспективность борьбы, предпочитает смириться со сложившейся ситуацией. Часть уходит в оппози-

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. оп. 84. Д. 537. Л. 3, 4.

цию к власти, пытаясь организовать горцев и вовлечь их в массовые выступления против советской власти. В Кабардино-Балкарской и Адыгейской автономных областях в конце 20-х гг. прошла волна народных восстаний под руководством исламских деятелей, выступивших под лозунгом защиты ислама и исламских структур. Наиболее масштабным выступлением, организованным мусульманским духовенством, стало Баксанское восстание 9-12 июня 1928 г., в котором участвовали жители двенадцати селений.

Анализ введенных в работу материалов позволил утверждать, что по мере упрочения новой власти самым решительным образом пресекались попытки создания национальных субъектов с широкими полномочиями в области обустройства своей национальной жизни. Интеллигенция, несмотря на свою готовность к поиску компромиссов во взаимоотношениях с властью, вытеснялась из общественно-политического пространства и лишалась возможности активно участвовать в преобразованиях общественной жизни своего народа. Если к моменту установления советской власти интеллигенция выступила как субъект социальной действительности, активно участвовавший в преобразовании общественной жизни своего народа, то по мере укрепления советской власти интеллигенция, в особенности духовная, вытеснялась из общественно-политического пространства. Это не могло не отражаться на оценке интеллигенцией политической ситуации и ее отношении к происходившим преобразованиям.

В четвертой главе «Осмысление и реализация основных культурно-образовательных задач» исследована деятельность интеллигенции по развитию мусульманского и светского образования у адыгов, созданию национальной письменности и научной разработке национальной истории.

В первом параграфе «Развитие мусульманского образования» подчеркивается, что сферой особого внимания интеллигенция являлось формирование национального образования, которое реализовывалось в двух самостоятельных направлениях: светском и конфессиональном. Несмотря на существование различных форм образования, четко обнаруживается существование общего подхода интеллигенции к образованию как таковому. Оно, по ее мнению, должно было обеспечить не только просвещение широких народных масс адыгского народа, но и культурное воспроизводство. В направлении решения этих задач интеллигенцией была развернута большая просветительская работа.

В работе отмечается, что в начале XX в. основными образовательными учреждениями, в которых обучались адыги, являлись мусульманские школы, качество образования в которых в основной массе было низким. Анализ введенных в работу материалов позволил диссертанту прийти к выводу, что начало XX в. ознаменовалось важными прогрессивными изменениями в развитии мусульманского образования у адыгов, связанными как с влиянием передовой общественной мысли мусульманского Востока, так и с объективным процессом социокультурного развития общества, формирующего новые внутренние культурные потребности. Из среды духовенства выделился слой нового (прогрессивного) духовенства. Его основу составила

мусульманская интеллигенция, получившая образование в Каирском университете Аль-Азхар, Османском университете в Стамбуле, средних учебных заведениях Крыма, Уфы, Казани и Дагестана, увлеченная идеями, характерными для передовой общественной мысли мусульманского мира.

Выдвинув задачу национального возрождения и культурного развития народа, прогрессивное духовенство активно включилось в работу по организации процесса обучения на родном языке, введения в программу духовных учебных заведений светских предметов и внедрения в преподавательскую практику новых прогрессивных методов обучения. Это не только расширяло образовательную базу мусульманских школ, но и направляло их развитие в сторону превращения в национальные, общедоступные и привлекательные. Происходила национализация мусульманского образования не только с точки зрения состава учащихся, но и с точки зрения наполнения содержания образования.

В результате усилий прогрессивно настроенного крыла мусульманской интеллигенции в Кабарде и Адыгее были открыты первые новометодные медресе, ставшие отправной точкой распространения новых идей. Наиболее яркими проявлениями эволюционных процессов в мусульманском образовании адыгов стали Баксанское культурное движение и Адамиевское новометодное медресе.

Анализ разноплановых источников позволил автору работы говорить о том, что деятельность духовной интеллигенции по прогрессивному развитию мусульманского образования адыгов не только не получала содействия со стороны властей, но, наоборот, осуществлялась в обстановке их активного противодействия. Они всячески пытались препятствовать подъему религиозного и национально-культурного самосознания мусульманских народов, наметившемуся под влиянием движения за обновление духовной жизни и форм мусульманского образования, видя в них серьезную угрозу российским государственным интересам.

Мощный толчок расширению движения прогрессивного духовенства по пути дальнейшего преобразования мусульманской системы образования дали революционные события февраля 1917 г. и связанная с ними либерализация общественно-политической жизни, активизация национальных движений. Вопрос о расширении сети новометодных школ стал предметом особого внимания национальной интеллигенции. Именно на это время приходится расцвет Баксанского культурного движения, которое впервые поставило вопрос о превращении новометодных учебных заведений в образовательные учреждения, основанные на единых принципах обучения и имеющие одинаковое содержательное наполнение. В диссертации подчеркивается, что эта идея была поистине революционной для развития мусульманского образования адыгов.

Поступательное развитие мусульманского образования было нарушено установлением советской власти на Северном Кавказе. Декреты большевиков демонстрировали намерение монополизировать сферу образования, вывести школы из ведения религиозных структур и вытеснить духовную интеллигенцию из сферы образования. Они не только накладывали запрет на препода-

давание основ религии в светской школе, но и, что гораздо важнее для развития мусульманского образования, запрещали преподавание общеобразовательных предметов в конфессиональных учебных заведениях.

Анализ обширного корпуса источников позволил автору работы сделать вывод о том, что новые условия функционирования мусульманских учебных заведений явно не способствовали развитию прогрессивных тенденций в мусульманском образовании. Первостепенное значение приобрели не вопросы содержания образования, а его существования. Мусульманская школа в своем развитии, по сути дела, отбрасывалась назад.

Новые реалии жизни заставляли искать мусульманскую интеллигенцию адекватные формы работы с населением, всячески пропагандировать мусульманские школы, привнося в них элементы нового быта, например, допускать девочек к обучению, которые расценивались новой властью как попытка приспособиться к «левым настроениям масс».

В работе подчеркивается, что приверженность исламским традициям и высокий авторитет мусульманского духовенства у адыгов вынудили советскую власть в первой половине 20-х гг. пойти на уступки в виде разрешения преподавания догматов ислама в мечети и советских школах (хотя и неофициально). Однако это было «тактическое» отступление, в то время как генеральная линия советской власти оставалась неизменной.

Идея «решительного наступления на религию» во второй половине 20-х гг. XX в. стала приобретать все более выраженный характер. Судьба мусульманского образования, как и мусульманской интеллигенции, была предопределена. Власти приступают к вытеснению духовенства из сферы образования. Процесс коренной трансформации национальной школы, начавшийся с установлением советской власти, был завершен к началу 30-х гг. полным вытеснением мусульманских школ из образовательного пространства.

Во втором параграфе «Формирование системы светского образования: замыслы и практика» отмечается, что с начала XX в. адыгская интеллигенция достаточно активно включилась в работу по развитию светского образования, которая, однако, не давала желаемых результатов. Осмысливая возникшие проблемы, интеллигенция пришла к убеждению, что светское образование может стать действительным средством просвещения адыгского народа и способствовать его успешной адаптации в российское культурное пространство лишь при условии овладения не только навыками «чужой» культуры, но и сохранения собственной этнокультурной специфики.

Анализируя причины непопулярности светского образования среди широких слоев народа, представители интеллигенции пришли к заключению, что в его основе лежало использование правительством образования как одного из главных рычагов в ассимиляции национальных окраин. Вместе с тем они понимали, что шаблонные пути и методы не могут дать желаемого результата: для успешного развития системы образования нужно было сделать школы учреждениями, отвечающими интересам населения.

В качестве приоритетных мер, направленных на развитие светского образования адыгов, интеллигенция считала необходимым устранить из школы всякую политику, организовать процесс обучения на родном языке и подго-

товить национальные кадры педагогов. Примечательно, что интеллигенция не только пыталась привлечь внимание властей к решению данным проблем, но и сама предпринимала шаги к их практическому решению.

Анализ введенных в работу материалов позволил утверждать, что мощный импульс развитию светского образования у адыгов дало установление советской власти. Заявленное ею намерение создать национальную школу для национальных меньшинств было с оптимизмом воспринято адыгской интеллигенцией, которая с энтузиазмом включилась в работу.

Интеллигенция, наконец, получила реальную поддержку власти практически по всем вопросам развития национальной светской школы (включая все организационные, финансовые и методические вопросы). Известные адыгские просветители вошли в соответствующие государственные структуры и с энтузиазмом включились в работу по созданию национальной светской школы и по привлечению в нее широких слоев населения. В результате происходили значимые изменения в светском образовании адыгов: организовывался процесс обучения в начальной школе на родном языке, была разработана соответствующая учебная и методическая литература, подготовлены национальные кадры педагогов.

В работе обращается внимание на то, что мотивационное обеспечение деятельности адыгской интеллигенции в области развития светского образования, безусловно, отличалось от большевистского. Наряду с очевидной необходимостью овладения необходимой суммой знаний о мире и человеке, для адыгов первостепенное значение в контексте существования национальной школы в полиэтническом, поликультурном, поликонфессиональном государстве приобретала задача поддержания и развития этнокультурной идентичности, развитие этнического самосознания.

Анализ введенных в работу материалов позволил установить, что не смотря на расхождение целей в области развития национальной школы, адыгская интеллигенция и новая власть продемонстрировали единство в выборе средств их достижения. Более того, государство само инициировало их решение, взяв под свой контроль решение важных организационных, финансовых и методических вопросов. В результате совместных усилий интеллигенции и власти происходили значимые изменения в светском образовании адыгов, главными из которых были организация обучения в начальной школе на родном языке, массовое приобщение широких народных масс к образованию и осознание его важности.

Однако нежелание властей учитывать национальные особенности в решении культурно-образовательных задач, стремление использовать образовательные заведения в целях унификации населения страны приводили к тому, что изменения в национальном образовании адыгов носили главным образом количественный, а не качественный характер. Само же образование становилось национальным не по содержанию, а по формальным признакам – язык преподавания и состав учащихся.

В третьем параграфе «Создание национальной письменности: теоретические и практические аспекты» рассматривается деятельность интеллигенции по созданию письменности и расширению сферы ее функционирования, без че-

го она не мыслила развитие национальной культуры и образования. Поэтому на фоне резко активизировавшейся в начале XX в. деятельности по созданию национальной школы начинается систематическая работа по разработке и внедрению национальной письменности⁵⁷. И хотя она не привела к созданию всенародной письменности, тем не менее некоторые авторские разработки легли в основу работы целого ряда адыгских учебных заведений и национальных печатных изданий. Это положило начало качественно новому этапу в становлении национальной письменности, знаменовавшему собой переход вопроса о создании национальной письменности в плоскость практических решений.

В работе отмечается, что разработка адыгской письменности была сопряжена с необходимостью решения целого ряда теоретических и практических вопросов. Среди них ведущее место занимали выбор графической основы письма, простота в восприятии и воспроизводстве, способность целостно и органически отражать структуру языка, выбор диалекта, простота в воспроизводстве типографским способом.

Создание национальной письменности осложнялось также существованием своеобразной языковой ситуации у адыгов, которая напрямую была связана с этническим составом данного народа. В составе единого адыгского этноса сложилось два близкородственных языка – нижнечеркесский и кабардино-черкесский языки, входящие в адыгскую подгруппу адыго-абхазской группы западно-кавказских языков. Подобная языковая ситуация в соединении с территориальной разобщенностью привела к тому, что попытки создания национальной письма были ориентированы не на создание единой для всех адыгов письменности, а на две сложившиеся у адыгов крупные языковые группы.

В диссертации подчеркивается, что с установлением советской власти на Северном Кавказе разработка национальной письменности становится не только важнейшим вопросом национальной жизни адыгского народа, но и ключевой частью национальной политики советской власти в отношении национальных меньшинств. Это определило взаимовлияние, а порой и столкновение двух подходов к языковому строительству. Если адыгская интеллигенция рассматривала создание национальной письменности как важнейший фактор национальной идентичности, средство развития национальной культуры и просвещения, то советская власть рассматривала фронт языкового строительства в качестве важнейшего участка классовой борьбы и социалистического строительства. Языковая политика должна была обеспечить не только коммуникативные задачи новой власти, но и стать одним из важнейших средств унификации культуры и уничтожения феодально-патриархаль-

⁵⁷ Среди наиболее успешных проектов азбуки для адыгского народа следует, в первую очередь, упомянуть «Азбуку», разработанную И.Цаговым и С.Паучевым на арабской графической основе и изданную в Стамбуле в рамках широкой программы просветительских мероприятий, организованных Черкесским благотворительным обществом в Турции. Она имела ряд несомненных достоинств. Помимо букварного материала, в данной работе были представлены тексты дидактического назначения на нижнечеркесском и кабардинском языках, что было особенно важно в контексте существовавшей у адыгов языковой ситуации. «Азбука» И.Цагова и С.Паучева стала своеобразным универсальным учебным пособием. На основе данной азбуки Черкесским благотворительным обществом было составлено восемь учебников для преподавания светских дисциплин. Они стали достаточно широко использоваться в работе адыгских новометодных медресе.

ных пережитков в горской среде, наиболее вредными из которых признавались религиозные. В результате вопрос о письменности приобрел важное социально-политическое значение.

Диссертант обратил внимание на то, что в первые годы существования советской власти адыгские просветители были достаточно свободны в решении теоретических и практических вопросов, связанных с разработкой письменности. Образование у адыгов, главным образом, осуществлялось в духовных школах (мелдресе), в которых шло изучение арабского. Поэтому неудивительно, что основные попытки создания национальной письменности осуществлялись на арабской графической основе. На ее основе в 1917-1918 гг. были созданы алфавиты И. Бекухом, С. Сиюховым в соавторстве с И. Хидзетлем, Т.-С. Шеретуковым, Т. Глецеруком, Н. Цаговым и А. Дымовым.

Однако уже с начала 20-х гг. власть все больше начинает вторгаться в языковую сферу. Ключевое влияние на развитие национальной письменности адыгов оказала эволюция взглядов большевиков на языковое строительство. Казалось бы, частный вопрос о письменности, относящийся главным образом к проблеме просвещения в конкретных исторических обстоятельствах приобрел важное социально-политическое значение. К его решению было приковано внимание не только национальной интеллигенции, но и партийных, советских органов в центре и на местах, советских ученых-лингвистов и работников просвещения.

Центральной проблемой, получившей острое политическое звучание, стала проблема выбора графической основы адыгского письма. Стремясь разрушить культурные связи с исламским миром и оградить горцев от влияния ислама как культурно-идеологической системы, новая власть инициировала латинизацию адыгской письменности. Это разделило адыгскую интеллигенцию на два «лагеря»: тех, кто выступил за сохранение письменности на арабской графической основе, и тех, кто поддержал языковую политику новой власти.

Наиболее последовательно необходимость сохранения письменности на арабской графической основе отстаивала самая многочисленная и влиятельная в горской среде духовная интеллигенция. Политику латинизации она восприняла как средство борьбы с религией и влиянием мусульманского духовенства. «Арабисты» пытались сформулировать аргументы в поддержку своей позиции. Однако все эти доводы для властей были ничтожными в сравнении со стратегическими политическими задачами. В результате под ее бдительным руководством на латинской графической основе в 1924 г. создается кабардино-черкесская, а в 1927 г. адыгейская письменность, которые берутся за основу работы национальной школы и печати⁵⁸.

В диссертации отмечено, что составной частью проблемы стала выработка новой революционной терминологии. Представители адыгской интел-

⁵⁸ Однако прошло всего одно десятилетие, как латинизированная основа письменности, по мнению властей, перестала способствовать дальнейшему развитию культуры адыгского народа и сближению ее с революционной культурой «великого русского народа». В 1936 г. кабардинский, а в 1938 г. адыгейский языки были переведены на русскую графическую основу письма.

лигенции были против механического перенесения в национальный язык русских оборотов и слов без учета особенностей национального языка. Однако эта позиция расценивалась властью как «открытое стремление к введению развития национального языка в узко националистические рамки». Национальная интеллигенция стала обвиняться в желании вести развитие языка по линии культивирования архаизмов, провинциализмов и специально надуманных слов.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что превращение проблемы языкового строительства в поле политической борьбы препятствовало эффективному решению культурно-просветительских задач. В течение небольшого исторического отрезка времени было создано и последовательно функционировало три системы письма, основанные на разных графических основах. Это не могло не препятствовать эффективному решению текущих культурно-просветительских задач, повышению реального уровня образованности адыгов.

В четвертом параграфе «Становление научной разработки национальной истории» рассматривается творческое наследие интеллигенции с точки зрения вклада в постановку и разработку важных вопросов историко-культурного развития адыгов.

Отмечается, что важным этапом в процессе становления национальной истории стала историческая публицистика начала XX в. Учитывая характер происходивших в XIX в. исторических событий, особую значимость приобрели вопросы социально-политической истории адыгов среди которых особо выделены вопросы общественно-политического устройства адыгов в XVIII-первой половине XIX вв., Кавказская война, проблема махаджирства. Другим, не менее важным направлением, явились вопросы духовной жизни народа. Они позволили расширить границы анализа, показать взаимосвязь и взаимодействие явлений исторического и социокультурного плана, которые, как правило, связывались со спецификой формирования религиозных представлений адыгов и особенностями национальной психологии.

На основе анализа характера разработки сложных вопросов истории адыгов в трудах национальной интеллигенции в данном разделе отмечается, что в них четко обозначилось два подхода. Смысл одного из них заключается в попытке вписания социально-политической истории адыгов в уже существовавшую в исторической науке схему общественного развития, стремлении подчеркнуть связь с общим ходом истории. Другой состоял в стремлении выявить специфику общественного развития адыгов.

Положения и выводы, содержащиеся в работах представителей адыгской интеллигенции начала XX в. имели общественную и историографическую значимость для своего времени, а также сохраняют научное значение и сегодня. Некоторые из вопросов, поднятые в трудах интеллигенции в начале XX в., носили постановочный характер, другие стали предметом серьезного, аргументированного анализа с использованием широкого круга исторических источников как ранее известных, так и привлекаемых впервые. Хотя проработанные интеллигенцией проблемы еще не представляют целостной кон-

цепции исторического развития адыгов, тем не менее в совокупности их взгляды очерчивали весьма значительный круг базовых проблем истории адыгов и в некотором смысле раздвинули границы научных представлений о своем народе.

Особое значение имело стремление интеллигенции к осмыслению проблем, находившихся на «стыке» исторической и психологической, исторической и этнографической наук, осознание важности разработки которых происходит лишь в последние годы. В своих публикациях они сумели опередить свое время, отчасти отразив современное понимание сложных междисциплинарных проблем. Безусловно, сами по себе их суждения представляют лишь первую ступень теоретического осмысления данных проблем.

Однако было бы преувеличением считать, что интерес, проявленный интеллигенцией к вопросам истории и культуры адыгов, носил чисто научный, академический характер. Он, прежде всего, был вызван четко обозначившимися публицистическими и просветительскими целями. Понимая, что истории принадлежит важная роль в развитии этнического сознания народа, интеллигенция стремилась таким образом организовать историческую память адыгов, чтобы она в наибольшей степени способствовала поддержанию и развитию национального самосознания народа. Наряду с этим, интеллигенция пыталась вызвать интерес и уважение широкой российской общественности к истории своего народа, противостоять колонизаторской политике царизма, его дискриминационным действиям и ассимиляционным устремлениям, доказать права адыгов на изменение общественного положения в российском государстве. Данными целями определялся круг исторических проблем, оказавшихся в центре внимания интеллигенции, жанровая особенность большинства работ, эмоциональность в освещении исторического прошлого, порой граничившая с его мифологизацией.

В работе подчеркивается, что важные изменения в развитии научной разработки национальной истории происходят с установлением советской власти. В новых социально-политических условиях сферой соединения научного поиска интеллигенции и предметной культурно-просветительской деятельности стало краеведение. Значимым результатом инициативных процессов в области краеведения явилось создание общественных и научно-исследовательских организаций по изучению истории и культуры родного края: Общества изучения Адыгейской автономной области, Кабардино-Балкарского краеведческого общества, Адыгейского и Кабардино-Балкарского научно-исследовательских институтов краеведения. Это позволило поднять краеведение на качественно новый организационный уровень, мобилизовать исследовательские, кадровые и финансовые возможности. Отличительной чертой развития исследовательской деятельности адыгской интеллигенции в 20-е – начале 30-х гг. XX в. являлась концентрация усилий не на написании работ по тем или иным вопросам национальной истории, а на поиске, систематизации и обработке разноплановых источников по истории адыгов.

Важным условием повышения социальной и общественной роли краеведения стало активное участие государства в развитии национального краеведения, которое позволяло мобилизовать финансовые, организационные и кадровые ресурсы. Однако имелись и четко обозначившиеся негативные последствия: подчиненность краеведческой деятельности решению практических задач государственных учреждений, сдерживание местной инициативы, создание заданного круга исследовательских проблем и ограничение круга краеведческих работ, что на долгие годы определило направление дальнейшего научно-исследовательского поиска. Не смотря на обозначенные издержки в развитии национального краеведения, следует отметить, что усилиями национальной интеллигенции была проделана большая организационная, практическая и исследовательская работа, ставшая основой дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

Анализ общественной деятельности интеллигенции в конце XIX в. – начале 30-х гг. XX в. обнаружил несоответствие между численностью интеллигенции и общественной значимостью ее деятельности. Несмотря на немногочисленность адыгской интеллигенции, ее деятельность существенным образом влияла на изменение социокультурных стереотипов, способствовала адаптации адыгского народа в новых исторических условиях, формировала у него новые культурные потребности, вела к изменению интеллектуально-образовательного пространства.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, составляющие основные положения, выносимые на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

– Исследование процесса формирования и деятельности адыгской интеллигенции в сложной исторической ситуации, связанной с интеграцией адыгов в состав Российской империи, а затем Советской России, позволяет создать в историческом познании параметры специальной модели развития интеллигенции, отличной от традиционной

– Специфика процесса формирования национальной интеллигенции была связана с мощным культурным влиянием Западной и Восточной цивилизаций, находившихся на протяжении столетий в состоянии конфронтации, что обусловило появление в составе национальной интеллигенции носителей различных типов ценностей (западных и восточных).

– В отличие от европейских государств, где интеллигенция возникла в результате социально-экономического развития и углубления процесса общественного разделения труда, у адыгов определяющую роль в развитии процесса формирования национальной интеллигенции сыграли социально-политические изменения, связанные с включением Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи. Создавая реальную угрозу для дальнейшего существования адыгов как этноса, они обусловили усиление эмоционального восприятия этнической принадлежности и выделение интеллигенции как социокультурного слоя, способного сформировать ценностно-ориентированный комплекс представлений, соответствующих новой системе отношений и обеспечивающих самосохранение и развитие адыгов.

– Учитывая существование жесткого культурно-идеологического давления извне и отсутствие соответствующего уровня политического, социального и культурного признания самоценности адыгов, первостепенное значение для интеллигенции приобретало создание таких условий, в которых бы возможно было самосохранение адыгского народа и развитие его национальной жизни. Поэтому основным содержанием общественно-политической деятельности интеллигенции стало осмысление сложных национально-политических проблем.

– Характер и социальное значение общественной деятельности адыгского духовенства, его место в культурно-образовательном процессе дает основание определить его как «духовную интеллигенцию». Данное положение имеет большое теоретическое значение для конкретных исследований по истории адыгской интеллигенции и национальной культуре.

– С мероприятиями советской власти связана утрата интеллигенцией своих национальных корней и ее денационализация. Интернациональное воспитание молодежи, широко тиражируемые представления о культурной отсталости национальных меньшинств и «засилии патриархально-феодалных пережитков», подлежащих решительному искоренению, постепенно формировали у «новой» национальной интеллигенции отторжение национальных основ культуры. Оставаясь национальной по этническому признаку, интеллигенция становилась носителем и проводником ценностей, ориентированных не на сохранение и развитие национально-культурной специфики своего народа, а на интернационализацию его сознания и быта.

– Несмотря на существенное изменение групповых черт «новой» национальной интеллигенции, представляется возможным рассматривать ее как социокультурную группу в собственном смысле утвердившегося понятия. В то же время есть все основания говорить о серьезной трансформации интеллигенции под влиянием изменившихся общественно-политических обстоятельств.

– Исходя из способности осуществления широкой познавательной и духовной деятельности во всех сферах общественной жизни, «новая» национальная интеллигенция продолжала обобщать и делать достоянием своего народа достижения других народов и цивилизаций, несла народу просвещение, общественные идеалы, т.е. формировала ценностно-ориентированную основу его последующей общественной деятельности.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция: история становления и общественная деятельность (конец XIX – начало XX вв.). – Краснодар: изд-во «КубГТУ», 2004. – 156 с.

2. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. – Краснодар: «Издательский Дом – Юг», 2010. – 352 с.

Коллективные монографии:

3. *Емтыль З.Я.* Адыгское просветительство / Емтыль З.Я. // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2 т. / Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед. им. Т.М. Керашева. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. – Т.1. – С. 347–356.

4. *Емтыль З.Я.* Распространение образования в Адыгее (вторая половина XIX– начало XX в.) // Там же. – С.335–346.

Брошюры:

5. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция. Начало XX века. Становление исторических взглядов. – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1999. – 46с.

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

6. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция и проблемы развития национального образования в начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – №5(37). Ч.2. С.63–70.

7. *Емтыль З.Я.* Мусульманская система образования в адыгских национальных автономиях в 1920-х годах (К истории мусульманской интеллигенции) // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С.19-22.

8. *Емтыль З.Я.* Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: история России. – 2010. – №1. – С.155–161.

9. *Емтыль З.Я.* Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции (1917–20-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. – 2010. – №4. – С.234–238.

10. *Емтыль З.Я.* Практика привлечения адыгской интеллигенции на сторону советской власти в 20-е гг. XX в.: трудности и противоречия // Теория и практика общественного развития. – 2010. – №3. – С.202–205.

11. *Емтыль З.Я.* Развитие мусульманского образования у адыгов в исторической динамике первой трети XX века. (К истории мусульманской интеллигенции) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – №3.

12. *Емтыль З.Я.* Теоретические аспекты исследования истории адыгской интеллигенции 1917–1920-х гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – №3. – С.35–41.

Статьи:

13. Адыгская интеллигенция и проблемы создания письменности // Диалоги с прошлым. – Майкоп, 2010. – №. 6. – С. 21–27.

14. *Емтыль З.Я.* Вопросы социально-политической истории горцев Северо-Западного Кавказа в трудах адыгской интеллигенции начала XX века // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Майкоп, 2006. – Вып.5. – С.76–90.

15. *Емтыль З.Я.* Культурно- просветительская деятельность адыгской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. // Неделя науки МГТИ (Материалы научно-практической конференции). – Вып. 3. – Майкоп, 1998. – С. 38–46.

16. *Емтыль З.Я.* Некоторые проблемы национальной психологии в трудах адыгских просветителей (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы теории и методологии истории. – Майкоп, 1997. – С.127–134.

17. *Емтыль З.Я.* Общественно-политическая деятельность адыгской интеллигенции. (Начало XX века) //Труды Кубанского государственного технологического университета. – Т.XVII.Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С.41–54.

18. *Емтыль З.Я.* Политика Российской империи в области образования горцев Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века // Научный вестник Южного федерального округа. – 2008. – №3 (7) . – С.11–14.

Подписано в печать 17.02.2011. Печать трафаретная.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 2,7. Тираж 100 экз. Заказ № 446.
ООО «Издательский Дом-Юг»
350072, г. Краснодар, ул. Московская 2, корп. «В», оф. В-120
тел. 8-918-41-50-571
e-mail: olfomenko@yandex.ru Сайт: <http://id-yug.narod2.ru>